

Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕТИНА Елизавета Алексеевна

Выпускная квалификационная работа

Языковые средства выражения мультилингвизма в произведениях

А. Маалуфа

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5829. «Романские языки»

Научный руководитель:

к.ф.н., доцент,

Кафедра романской филологии,

Соловьева Мария Владимировна

Рецензент:

к.ф.н., научный сотрудник,

Национальный центр

научных исследований Франции,

Чепига Валентина Петровна

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ АМИНА МААЛУФА	6
1.1. Творчество Амина Маалуфа	6
1.2. Понятие мультилингвизма в языкознании	10
1.3. Иноязычная лексика	13
1.4. Идиоэтническая специфика языка	17
1.5. Особенности перевода реалий	18
1.6. Подход к изучению произведений А. Маалуфа	20
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АМИНА МААЛУФА	23
2.1. Материал и методология исследования	23
2.2. Иноязычная лексика	26
2.2.1. Эмоционально-оценочная функция иноязычной лексики	26
2.2.2. Отражение национального колорита	34
2.2.3. Создание исторического колорита	44
2.2.4. Характеристика персонажа	51
2.2.5. Заимствования для обозначения реалий и терминов, вошедших во французский язык	63
2.2.6. Введение идиом как способ отражения картины мира писателя	65
2.3. Особенности французского текста при обрамлении иноязычной лексики	69
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	73
ГЛАВА 3. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АМИНА МААЛУФА	75
3.1. Культурные реалии	75
3.2. Исторические реалии	86
3.3. Языковой контекст	94
3.4. Аллюзии	95
3.5. Отсылки к литературе и культуре разных стран	97
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	103
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	107
ПРИЛОЖЕНИЕ	111

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена как межкультурные, так и межъязыковые контакты являлись важной составляющей многонационального мира. В силу разных обстоятельств на сегодняшний день проблема взаимодействия восточных и индоевропейских языков, а также восточной и западной культуры становится довольно распространенной, особенно во Франции. Однако редко можно встретить художественные работы, демонстрирующие сосуществование культуры Востока и Запада, а также восточных и индоевропейских языков. Амина Маалуфа, французского писателя ливанского происхождения, можно назвать одним из немногих, кому удастся отразить в своих произведениях такой симбиоз разных мировоззрений, этим обусловлен интерес к выбору произведений именно этого автора.

Активные языковые контакты между этносами привели к масштабному распространению такого явления как мультилингвизм. Этим термином в научном освещении принято называть случаи использования в повседневной жизни более двух языков. Такой феномен принимает разные формы, в частности взаимодействие разных языков в едином художественном пространстве текста называется художественным мультилингвизмом. В художественном тексте явление мультилингвизма реализуется разными способами, среди которых можно отметить иноязычные единицы, встречающиеся в качестве выразительного средства для достижения различных целей.

Актуальность исследования обусловлена тем, что произведения А. Маалуфа остаются малоизученными с лингвистической точки зрения. Помимо выделения общих закономерностей в языке писателя, работа нацелена на изучение художественного потенциала разного вида иноязычных вкраплений как средства создания художественного мультилингвизма.

Объект настоящего исследования – идиоэтническая специфика языка А. Маалуфа, **предметом** исследования является иноязычная лексика и экстралингвистические средства, используемые автором для выражения мультилингвизма в произведениях разных периодов.

Целью исследования является выявление языковых и экстралингвистических средств выражения мультилингвизма в языке писателя.

Реализация поставленной цели достигается за счет решения следующих **задач**:

- 1) Изучить труды отечественных и зарубежных исследователей с целью дать определение понятию «мультилингвизм»;
- 2) Составить сплошную выборку языковых и экстралингвистических явлений, отражающих преломление мультилингвизма в текстах;
- 3) Рассмотреть иноязычные элементы в языке писателя как способ отражения его языковой картины мира;
- 4) Выявить индивидуально-авторскую специфику введения в текст иноязычной лексики;
- 5) Изучить функциональные особенности иноязычий в качестве компонентов художественного мультилингвизма.

В процессе работы применялись различные **методы** исследования: контекстный анализ, анализ дефиниций, функциональный подход к рассмотрению средств выражения мультилингвизма.

Научная новизна заключается в том, что впервые был проведен развернутый анализ функций иноязычий в языке А. Маалуфа на основе произведений разных периодов. Кроме того, была определена специфика введения писателем иноязычий в канву текста для достижения авторского замысла.

Теоретическая значимость работы заключается в раскрытии феномена мультилингвизма в литературно-художественном аспекте. Интересны могут быть наблюдения, связанные с функционалом иноязычных элементов в текстах писателя-мультилингва. Работа может послужить основой для дальнейшего изучения идиоэтнической специфики языка Амина Маалуфа.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования результатов работы в ходе учебного процесса на занятиях по лингвокультурологии; при написании научных работ и составлении методического и теоретического подхода к изучению феномена мультилингвизма.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ АМИНА МААЛУФА

1.1. Творчество Амина Маалуфа

Амин Маалуф – современный французский писатель ливанского происхождения. На данный момент сведения о его биографии немногочисленны и представлены преимущественно различными интервью, которые давал писатель. По этой причине большинство фактов, приведенных в данном разделе, представляют собой выдержки из интервью «Autobiographie à deux voix» 2001 года, опубликованного на официальном сайте писателя, в котором он в том числе подробно описывает и свой творческий путь.

В ракурсе изучения преломления мультилингвизма в творчестве писателя, нам, в первую очередь, интересно рассмотреть языковую ситуацию, в которой он живет. Будучи ливанцем по происхождению, Амин Маалуф вырос в арабоязычной среде, однако уже с ранних лет он овладел французским языком, поскольку посещал французскую католическую школу. Несмотря на то, что его предки по отцовской линии были англоговорящими протестантами, а по материнской – франкоговорящими маронитами, в семье будущего писателя с огромным уважением относились к арабскому языку, и общение происходило именно на нем, тогда как французский оставался лишь языком обучения в школе. Познакомившись в подростковом возрасте с классиками мировой литературы в переводе на арабский язык, Амин Маалуф вскоре понимает, что не может быть удовлетворен столь малым количеством переведенной литературы. Поэтому французский язык (наряду с английским) также становится для А. Маалуфа основным языком для чтения, благодаря которому он открывает для себя новый мир.

Сфера интересов писателя начинает формироваться еще в шестилетнем возрасте, когда он пишет свою первую статью на арабском языке, посвященную приходу нового одноклассника. Несмотря на то, что статья так

и не была опубликована, А. Маалуф даже спустя много лет помнит ее содержание. Он вспоминает, что был поражен новым англоговорящим одноклассником, который не знал по-арабски ни слова, когда приехал в Ливан. Однако через несколько месяцев он мог говорить на этом языке так же свободно, как и все остальные ученики. Уже тогда у Амина Маалуфа наметилась так называемая одержимость наводить «мосты» между разными культурами. Впоследствии, уже в 22 года он становится главным редактором газеты «Ан-Нахар» – первого арабоязычного ежедневного издания в Ливане. Несмотря на то, что первые публикации автора в газетах были на арабском языке, свою литературную деятельность он начал в 1981 году именно на французском. Стоит добавить, что французский язык со времен юношества был для писателя способом выражения своих переживаний и размышлений, что находило отражение в его дневниках. Как арабский, так и французский языки играют важную роль в жизни писателя. Тот факт, что свои книги он пишет на французском, нельзя назвать осмысленным отказом от своего родного языка. Это скорее результат стечения обстоятельств, которые вынудили писателя переехать во Францию в 1976 году, через год после начала Гражданской войны в Ливане.

Вынужденный эмигрировать во Францию, работая и говоря преимущественно на французском языке, писатель тем не менее не забывает о своей родине. Восток так или иначе находит отражение во всех его литературных трудах.

Началом творческой карьеры писателя стал 1983 год, когда в свет вышло первое эссе Амина Маалуфа под названием «Les Croisades vues par les Arabes». Однако больший успех писателю принес его следующий роман «Léon l'Africain», опубликованный в 1986 году, после чего А. Маалуф окончательно решает связать свою жизнь с литературой. Из-под его пера вскоре выходят исторические романы «Samarcande» (1988), о персидском поэте и ученом Омаре Хайяме, «Les Jardins de lumière» (1991) о пророке

Мани, основателе манихейства, «Le Premier Siècle après Béatrice» (1992), в котором автор с тревогой размышляет о будущем цивилизации. Во всех этих произведениях наблюдается сходство позиции главных героев по отношению к миру: они обеспокоенно смотрят на общество, осознавая, что оно движется в неверном направлении, потеряв ориентиры, и нуждается в кардинальных изменениях. Эта позиция соотносится и с мировоззрением самого автора.

В 1993 году Амин Маалуф стал лауреатом Гонкуровской премии за роман «Le rocher de Tanios», первое произведение, в котором можно обнаружить фрагменты его автобиографии. С конца 1990-х – начала 2000-х писатель сосредотачивается преимущественно на работах публицистического характера, в которых поднимает вопросы кризиса идентичности, делает попытку осмысления современной культуры и политики, а также причин того беспорядка, в котором пребывает современный мир. В то же время писатель не перестает работать и над художественной прозой. Среди его последних произведений роман «Les Désorientés» (2012) и эссе «Le Naufrage des Civilisations» (2019), которые наряду с историческим романом «Samarcande» (1988) стали основой данного исследования.

В своих произведениях Амин Маалуф ведет непрекращающуюся борьбу с дискриминацией, отчуждением, кризисом идентичности и пороками современного общества, которые подпитывают ненависть между людьми. Такая борьба, по словам писателя, берет свое начало в его принадлежности к различным социальным и национальным меньшинствам: на родине он принадлежал к меньшинству тех, кто исповедует христианство, во Франции же – к числу арабов-иммигрантов, что, однако, не помешало ему ассимилироваться в так называемой им «приемной» стране. Сам же Амин Маалуф причисляет себя к «людям мира», стараясь не акцентировать внимание на своей национальной принадлежности. Более того, он образно называет своей родиной творчество, объясняя это тем, что в его понимании

родная страна – это лишь место происхождения, а писательская деятельность – это место его существования, это то, чем он дышит.

Его по праву можно считать мастером исторического романа, о чем говорит количественное превосходство работ в этом жанре над другими произведениями писателя. Именно в жанре исторического романа особенно ярко раскрывается его желание увидеть самому и показать читателю причинность событий, установить причинно-следственную связь между всем, что происходило и происходит в мире. Впрочем, в остальных его работах связь с историей тоже очень отчетливо прослеживается.

В своем творчестве писатель не только освещает проблемы и недостатки человечества, но и приводит примеры мирного сосуществования представителей разных наций и конфессий в разные времена на одной территории. Именно отстраненный взгляд на историю сквозь призму прошедших веков дает возможность увидеть в событиях прошлого истоки современных, найти положительные результаты взаимодействия разных культур и сделать их примером для подражания. Свою миссию А. Маалуф видит в том, чтобы постараться изменить мир в лучшую сторону, как бы иллюзорно это ни звучало.

Одной из особенностей идиостиля писателя является введение в текст иноязычной лексики для достижения различных художественных целей. Будучи мультилингвом с детства (с ранних лет он владеет минимум тремя языками: арабским, французским и английским), писатель с большим уважением относится к языкам, считая их важной частью самобытности народов, и это не может не отразиться на его литературной деятельности. Благодаря переплетению разных языков, в его работах звучит диалог культур.

Такой диалог очень важен для раскрытия понимания одной культуры через призму другой. Еще М. М. Бахтин говорил о том, что «чужая культура

только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже», соприкосновение разных смыслов порождает диалог, раскрывающий глубины этих смыслов. А «при такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [Бахтин 1986: 354]. Изучением взаимосвязи между языковым знаком и этническим сознанием, пересечения языков и культур занимается лингвокультурология. Данная научная парадигма рассматривает единицу языка как отражение культуры, ее квинтэссенцию, которая хранит в себе память о культурных кодах и установках [цит. по: Кретов 2013: 7]. В связи с таким подходом необходимо упомянуть также теорию языковой личности Ю. Н. Караулова, согласно которой «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Караулов 2010: 27]. Под языковой личностью он понимает «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов) [Там же: 245]. Таким образом, в рамках лингвокультурной парадигмы мы будем говорить о полифонии, возникающей в произведениях А. Маалуфа, благодаря переплетению разных языков и культурных реалий, раскрывающих его языковую личность.

1.2. Понятие мультилингвизма в языкознании

Активные языковые контакты между этносами привели к масштабному распространению такого явления, как мультилингвизм. Этим термином в научном освещении принято называть случаи использования в повседневной жизни более двух языков. Наряду с термином мультилингвизм (от лат. *multi* – много, *lingua* – язык, речь) широко употребляется понятие многоязычие, являющееся калькой с латинского, вследствие чего в данной работе эти термины употребляются как равнозначные.

Долгое время среди лингвистов было принято рассматривать одноязычие как правило, а многоязычие – как нечто исключительное [Вайнрайх 1972: 26]. Однако стоит признать, что в действительности

миллионы людей в течение своей жизни в силу разных обстоятельств вынуждены овладевать двумя и более языковыми системами, и в зависимости от обстановки могут пользоваться каждой из них по отдельности. И в особенности такой феномен становится все более распространен в последнее время в силу усиления языковых контактов между этносами вследствие интенсивных процессов глобализации, связанных с массовой миграцией населения.

Первые попытки изучить многоязычие предпринимались еще в XIX веке немецкими учеными Э. Виндишем, Г. Грюнбаумом, Г. Шухардтом и др. [Николаев 2006: 34]. На рубеже XX-XXI вв. мультилингвизм становится объектом изучения как лингвистики, так и смежных с ней наук: социолингвистики, психолингвистики, нейролингвистики.

На данный момент это направление продолжает активно изучаться, однако общая теория мультилингвизма все еще находится на стадии формирования, вследствие чего терминология этой области по сей день остается спорной. Так, например, во многих работах наблюдается синонимия терминов мультилингвизм и билингвизм.

Первоначально изучение мультилингвизма как самостоятельного научного направления было представлено в рамках теории билингвизма, который и по сей день рассматривается некоторыми исследователями как частный случай многоязычия, поэтому для теоретической базы данного исследования привлекались в том числе и работы по изучению билингвизма. Однако в последнее время все больше исследователей говорят о наличии качественных различий между би- и мультилингвизмом. Языковое сознание мультилингва представляется сложной динамической системой, в которой сосуществуют и вступают в сложные отношения несколько языков, вследствие чего мультилингвальное сознание обладает рядом специфических и уникальных свойств, которые не представлены в сознании билингва [Доценко, Лещенко, Остапенко 2018: 45].

В таком случае встает вопрос о степени владения тем или иным языком одним и тем же говорящим. Однако точно сформулировать сравнительную степень владения разными языками исключительно в лингвистических терминах практически не представляется возможным, для этого лингвистике необходимо сотрудничество с психологией и науками об обществе. С лингвистической точки зрения, проблема многоязычия заключается в описании сотрудничества нескольких языковых систем друг с другом, поскольку важно учитывать не только количественные, но и качественные параметры мультилингвальной системы. Такая система формируется на основе типологических особенностей языковых систем, входящих в её состав, а также особенностей их усвоения и использования в речевой практике. Разумеется, для изучения феномена многоязычия необходима некая общая модель, предлагающая универсальный способ для описания различных конфигураций мультилингвальной системы. И в последние годы все чаще исследователи стали обращаться к динамической модели мультилингвизма (a Dynamic Model of Multilingualism), которая рассматривает сознание мультилингва как единый взаимосвязанный механизм, испытывающий на себе влияние социальных и психологических факторов. В рамках этой модели предполагается, что языки мультилингва могут постоянно находиться как в состоянии их активного использования, так и в состоянии постепенной деградации, в результате чего уровень языковой компетенции адаптируется к коммуникативным потребностям носителя [Herdina, Jessner 2002: 91].

Феномен многоязычия, однако, можно не только рассматривать как компонент коммуникации, но и применять его к другим функциям языка: эмоциональной и особенно поэтической (эстетической) [Верецагин 2014: 46]. Такая конфигурация многоязычия называется художественным, литературным или индивидуальным творческим мультилингвизмом [Кожевникова 2016: 14]. С точки зрения лингвистики, художественный

мультилингвизм является собой цельный и одновременно неоднородный языковой материал, в котором наблюдается несколько речевых кодов. Такому типу многоязычия соответствует ряд релевантных характеристик, отличающих его от других разновидностей мультилингвизма, среди которых можно отметить: 1) индивидуальность, проявляющуюся в использовании автором многоязычия как метода в своей литературной деятельности; 2) соотнесенность с информативной сферой языка в отличие от коммуникативной; 3) отсутствие непосредственных коммуникативных контактов; 4) следование нормам языка, на котором создано литературное произведение [Там же: 15].

Специфика художественного мультилингвизма Амина Маалуфа заключается в том, что он обращается к французскому языку как к форме создания своих произведений, но при этом развивает не только традиции французской, но и своей национальной культуры и литературы. Это проявляется и в темах, которые выбирает автор для своих произведений, и в образной системе, и в употреблении лексики из своего родного языка. В то же время в его текстах появляются также англицизмы, германизмы, тюркизмы, ивритизмы и элементы других языков и культур.

В художественном тексте такое явление реализуется разными способами, среди которых можно отметить иноязычные единицы, встречающиеся в качестве выразительного средства для достижения различных целей. Кроме того, автор прибегает к различным экстралингвистическим средствам выражения мультилингвизма, красочно описывая восточные реалии.

1.3. Иноязычная лексика

Языки, которыми в той или иной степени владеет мультилингв, рассматриваются как компоненты многоязычия. Если же мы говорим о художественной литературе, то здесь компонентами мультилингвизма могут выступать иноязычия. Это объясняется тем, что «классическое проявление

художественного мультилингвизма заключается во введении в художественный текст элементов из иных языков, отличных от языка, на котором творит писатель» [Кожевникова 2016: 16].

Несмотря на то, что иноязычная лексика систематично становится предметом изучения еще со второй половины XX века и к настоящему моменту существуют исследования, посвященные разным аспектам этого лингвистического явления, оно до сих пор трактуется разными способами. Помимо распространенного термина «заимствование», лингвисты оперируют в том числе такими понятиями, как «экзотизм» и «иноязычное вкрапление», четкие критерии дифференциации которых отсутствуют.

В первую очередь следует рассмотреть термин «заимствование». По мнению Л. П. Крысина, **заимствование** – это процесс проникновения в один язык элементов из другого вследствие продолжительных контактов между двумя языковыми системами. Однако есть и более узкое понимание этого явления, когда заимствование подразумевает слова, словообразовательные конструкции и аффиксы, вошедшие в язык-реципиент благодаря длительным языковым контактам между языками [Кожевникова 2016: 18]. Для заимствований характерен ряд отличительных признаков, среди которых можно отметить графемно-фонетическую передачу иноязычия средствами языка-реципиента, соотнесенность иноязычного слова с конкретными грамматическими категориями и классами, а также употребление слова как минимум в двух разных речевых жанрах [Там же].

Отдельный пласт среди заимствованной лексики составляют **экзотизмы** – термины для обозначения реалий иной культуры. Среди них могут быть как названия объектов природы, так и слова для обозначения национальных особенностей, традиций, быта. Другими словами, экзотизмы отражают своеобразие, присущее тому или иному народу и населенной им территории.

Не существует четкой дифференциации между экзотической лексикой и другими, более нейтральными заимствованиями, семантика которых не отражает специфику той или иной страны. В определенных ситуациях экзотизм может со временем переквалифицироваться в «обычное» заимствование, обозначающее реалию, которая вошла в язык-реципиент, однако все еще сохраняет признаки иноязычности, которые в той или иной степени ощущаются носителями языка.

Надо сказать, что, помимо обозначения чужеродных для носителей заимствующего языка реалий, экзотические слова в том числе отражают особенности обычаев и менталитета народа, а также специфику его культуры. Такие слова в некоторой степени становятся отражением другой реальности, транслируя частичку своей культуры людям, не принадлежащим к ней.

Другой важный для нашего исследования термин «иноязычные вкрапления» был впервые введен А. А. Леонтьевым в 1966 году в работе «Иноязычные вкрапления в русскую речь». В широком смысле он подразумевал под **иноязычными вкраплениями** (или вставками) языковые единицы, включающие в себя иноязычные элементы на лексемном, морфемном, фонемном или уровне звукотипов [цит. по: Проценко 2006: 93]. В более узком смысле под иноязычными вкраплениями понимаются слова или сочетания слов, которые «сохраняют орфографическую и грамматическую форму языка-источника или трансформируются без морфологических или синтаксических изменений», они не относятся к системе языка-реципиента и несут в себе элемент инородности для носителей языка, и кроме того, не зафиксированы в толковом словаре [Мигдаль 2012: 33].

Среди стилистических и смысловых функций иноязычных вкраплений можно выделить следующие:

1. Номинативная функция – обозначение предметов и явлений, которые отсутствуют в лингвокультуре;
2. Культурная функция – отражение национальной культуры, придание тексту аутентичности, передающей национальный колорит и атмосферу;
3. Характерологическая функция – создание речевой характеристики персонажей;
4. Оценочная функция – выражение отношения автора или персонажей к тому или иному лицу, явлению;
5. Функция языковой игры – придание тексту оттенка иронии или комичности.

В целом такая характеристика очень близка и всем остальным разновидностям иноязычий. Определение значения языкового знака раскрывает его культурный потенциал, а также помогает увидеть разнообразие ассоциативных смыслов, которые могут быть неявными для носителя языка.

По большей части заимствования позволяют раскрыть референциальное или денотативное значение, более того, они освоены принимающим языком и входят в основной корпус лексического состава языка. В случае же с иноязычными вкраплениями и экзотизмами, их коннотативная маркированность и окказиональный характер употребления позволяют выделять их курсивом или брать в кавычки.

Анализ иноязычных элементов в качестве компонентов художественного мультилингвизма позволяет выявить не только их семантические, но и прагматические характеристики. Прагматический анализ рассчитан на выявление воздействия иноязычной лексики на адресата сообщения, отражения индивидуальных особенностей писателя, а также раскрытия интенций автора при использовании иноязычий. В

художественном тексте автор (адресант) является носителем определенного мировоззрения, с которым читатель соотносит свое мировоззрение и систему ценностей, попадая под влияние прагматического воздействия. Иноязычная лексика тоже не лишена прагматической направленности, поскольку она способна раскрыть индивидуальные особенности участников коммуникативной ситуации, отразить некоторые пространственно-временные характеристики текста, а также стилистическую маркированность [Кожевникова 2016: 28]. В результате иноязычные элементы способны придать языку экспрессивность и выразительность, что не всегда возможно передать исключительно лексическими средствами языка, на котором создается художественное произведение.

1.4. Идиоэтническая специфика языка

Художественный текст отражает не только образ определенного отрезка мира, но и авторский взгляд на мир, что реализуется при помощи языка. В свою очередь язык является способом бытия и «отображения культуры в ее типичном общечеловеческом и конкретных фенотипических проявлениях – исторических и локальных» [Сухачев 2019: 87]. Рассматривая язык как цельное индивидуально-социальное образование, стоит отметить, что различия между индивидуально значимым и всеобщим проявляются в своеобразии каждого из языков мира – их идиоэтнической специфике. Она отражается в первую очередь на лексико-семантическом уровне: специфические особенности каждого языка выражаются прежде всего благодаря уникальным смысловым образованиям, которым также соответствуют словообразовательные типы и грамматические категории синтаксических структур, при распределении объема значений слова, когда мы говорим о соотношении определенных высказываний с конкретными «словарными значениями» и стоящими за ними предметами мысли [Там же].

Итак, язык будет рассматриваться в данном исследовании, прежде всего, как отражение мировоззрения писателя. В случае с Амином

Маалуфом, в его сознании постоянно сосуществуют как минимум две языковые системы: арабская и французская. По его признанию, во время работы над тем или иным литературным произведением, в его голове одновременно звучит и французская, и арабская речь [Assaad 2004: 471]. В особенности это относится к романам, действие которых происходит на родине автора.

Два этих языка глубоко укоренились в личности писателя. Их корни переплетаются в его сознании, образуя единый язык, который становится красочным и отражающим все тонкости как французской, так и арабской культуры. Чувства, впечатления и лексика становятся единым целым и порождают особую манеру речи автора, когда спонтанно приходящие ему на ум слова и выражения из арабского языка он искусно вплетает в канву французского текста. Иноязычные элементы в тексте не выходят на первый план, а лишь оттеняют традиционно заданные структуры французской речи и производят определенный эффект на читателя, помогая автору как можно точнее выразить свою мысль и погрузить читателя в атмосферу арабоязычного мира. Именно место действия его произведений порождает использование писателем в том числе и своего родного языка.

1.5. Особенности перевода реалий

Представляется важным рассмотреть отдельно вопрос о способах передачи и перевода реалий Амином Маалуфом.

По мнению В. Г. Гака, под реалиями следует понимать все, что относится к культуре: традиции, обычаи, функции, факты поведения [Гак 1998: 142]. Рассматривая реалии с точки зрения сопоставительной лингвистики, отечественный романист считает их важной частью «пространства культуры», к которому можно отнести культуру как материальную, так и духовную, поэтому сама культура представляется совокупностью определенных знаков (культурем). Культурема представляется языковым выражением реалии, то есть неким

содержательным и формальным знаком, соотнесенным с конкретным элементом действительности, с целью обозначить и выразить предмет или ситуацию (реалию). Таким образом, реалия в качестве предмета объективной действительности противопоставляется единице её номинации в языковой системе [Кретов 2013: 9]. С точки зрения лингвокультурологии, реалии рассматриваются как единицы, обладающие наиболее ярким социально-культурным фоном. По мнению Ю. Н. Караулова, культура неизбежно связана с национальностью, поэтому языковая личность всегда коррелирует с национальным характером [Караулов 2010: 47].

Именно национальная окрашенность придает реалиям статус единиц культурного фонда, которые называют объекты, представляющиеся характерными для жизни одного народа и чуждыми другому. Как правило, в силу отражения в этих словах исторического и/или национального колорита, они не имеют эквивалентов, вследствие чего требуют особого подхода при переводе [Кретов 2013: 8]. Довольно часто таким подходом становится экспликация. Этим термином обозначают «процесс преобразования в эксплицитную той имплицитной информации, которая содержится в исходном тексте и адекватно воспринимается носителем языка, но, в силу межъязыковой и межкультурной асимметрии, недоступна или не всегда доступна носителю языка перевода» [Алексеяцева 2009: 5].

Метод экспликации как переводческий феномен можно охарактеризовать следующим образом: текст перевода может быть эксплицирован переводчиком осознанно или неосознанно; эксплицированию может подвергаться как лингвистическая, так и нелингвистическая информация; эксплицирована может быть только уже содержащаяся (хоть иногда и в неявной форме) в тексте оригинала информация. Однако непосредственная цель экспликации в первую очередь состоит в том, чтобы облегчить и гарантировать понимание.

Амин Маалуф довольно часто прибегает к методу экспликации для передачи значения того или иного иноязычного термина или выражения, когда необходимо дать франкоязычному читателю дополнительные пояснения для полноценного восприятия чужеродных для него реалий, во избежание потери передаваемой словом информации.

Наряду с экспликацией языковых единиц, для которых отсутствуют соответствия в языке перевода, применяется также метод калькирования – воспроизведения комбинаторного состава слова или словосочетания, когда морфемы или лексемы передаются соответствующими элементами переводящего языка [Казакова 2001: 88]. И все же в большинстве случаев А. Маалуф прибегает к дословному переводу вводимых им иноязычных терминов. Однако же, стоит отметить, что в некоторых ситуациях автор, наоборот, оставляет иноязычные элементы без перевода. Чаще всего это происходит с заимствованиями, которые уже закрепились в языке. Несмотря на то, что сами лексемы все еще несут в себе отпечаток чужеродной культуры, вследствие чего их можно возвести в статус реалий, они уже не требуют дополнительных комментариев и адекватно могут восприниматься носителями заимствующего языка.

1.6. Подход к изучению произведений А. Маалуфа

В силу того, что работа представляет собой изучение языковых особенностей творчества Амина Маалуфа, которые отражаются именно в его текстах, необходимо также обратиться к интерпретации текста, то есть раскрытию содержания, которое в нем заложено. Прежде всего, задача интерпретации художественного текста состоит в том, чтобы объяснить структуру произведения и показать, какие элементы содержания, поддающиеся словесному изложению, вытекают из этой структуры и как они соотносятся между собой [Долинин 1985: 93].

Основываясь на стилистике декодирования (или восприятия) как теоретической основе интерпретации текста, в первую очередь, мы будем

действительно обращать внимание на связи внутри текста, и, составляя о нем собственное мнение, произведем попытку найти объективные лингвистические объяснения своим догадкам, уменьшая таким образом излишнюю субъективность. В данном случае код рассматривается как система знаков и правил их соединения для передачи сообщения по определенному каналу. В литературе это реализуется преимущественно через языковой код [Арнольд 2010: 38-39]. Информация, отобранная автором, идеи, эмоции, отношение автора к изображаемому преобразуется в художественном произведении и кодируется языковыми средствами таким образом, чтобы сообщение приобрело грамматическое и лексическое воплощение. Для читателя текст вновь становится образами и идеями, он восстанавливает сообщение, используя свое знание кодов и кодовых комбинаций языка и других семиотических систем. Таким образом, любое литературное произведение с точки зрения стилистики декодирования рассматривается как источник впечатлений для читателя [Там же: 28]. Для нас особенно важным будет рассмотреть, с помощью каких именно средств автор осуществляет свое языковое перекодирование, и как оно отражается на восприятии текста читателем.

Представляется важным также правильно интерпретировать текст, основой чего как раз и является извлечение его интегрального содержания, то есть совокупности значения высказывания и его потенциального подтекста [Долинин 1985: 7]. Текст в данном случае рассматривается К. Долининым как высказывание, выраженное совокупностью языковых знаков, несущее информацию, которая может быть выражена эксплицитно, то есть непосредственно языковыми знаками (значение) или имплицитно (подтекст), то есть не выражена прямо в языковых знаках, но извлекается из высказывания [Там же]. Хотя при текстовом анализе можно ограничиться наблюдениями над внутритекстовыми связями, на сегодняшний день предпочтение отдается дискурсивному анализу, при котором то же

семантическое пространство текста рассматривается как «связанное тысячью нитей с условиями его создания, целями и задачами данного текста, в связке с аналогичными для него текстами» [Кубрякова 2004: 517]. При языковом перекодировании, то есть переходе от одного языка к другому, важно учитывать не только языковые значения, но также их взаимодействие с экстралингвистическими факторами, поскольку смысл высказывания непосредственно зависит и от экстралингвистической ситуации.

Под экстралингвистическими факторами создания мультилингвизма в данной работе имеются в виду описание различных восточных реалий, аллюзии на произведения восточных и европейских авторов, исторический и культурный и религиозный контексты. Под контекстом в данном случае понимается «некоторое ситуационное значение текста или его фрагмента, его глубинное значение, стоящее за языковой формой» [Колшанский 1980: 26]. Другими словами, с экстралингвистической точки зрения, мы будем рассматривать все, что так или иначе отражает картину мира писателя, и выражается при помощи описания, а не отдельно взятых языковых единиц.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что языковая полифония может создаваться за счет переплетения нескольких языковых кодов, что на дискурсивном уровне создается за счет введения в текст культурем: заимствований, иноязычных вкраплений, экзотизмов, идиом, цитат, отсылающих к различным культурам. В совокупности с экстралингвистическим контекстом все эти средства мы будем рассматривать как проявления художественного мультилингвизма.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АМИНА МААЛУФА

2.1. Материал и методология исследования

Основой данного исследования стали 3 разноплановых произведения Амина Маалуфа: исторический роман «Samarcande» (1988), роман «Les Désorientés» (2012), эссе «Le Naufrage des Civilisations» (2019). Выбор пал именно на эти произведения по нескольким причинам. Во-первых, все они принадлежат к разным жанрам, поэтому можно проследить зависимость средств, выражающих мультилингвизм писателя, от жанровой принадлежности текста. Во-вторых, благодаря тому, что все эти произведения были написаны в разные периоды, представляется возможным в общих чертах проследить эволюцию языка писателя и преломление мультилингвизма в работах разных периодов. Прежде, чем переходить к рассмотрению языковых средств выражения мультилингвизма, стоит отдельно остановиться на кратком описании содержания каждого из анализируемых произведений.

Итак, «Samarcande» Амина Маалуфа – это исторический роман, посвященный созданию, а потом и поиску сочинения Омара Хайяма «Рубайят». Сюжет разворачивается в нескольких временных промежутках: действие романа начинается в XI – XII вв., во времена великого персидского философа и поэта Омара Хайяма. История его жизни и создания рукописи «Рубайят» сопровождается яркими описаниями Персии и Средней Азии той эпохи. Далее действие переносится в конец XIX – начало XX века, когда молодой американец решает отправиться на поиски давно утраченной рукописи Хайяма и становится свидетелем революции в Иране. Повествуя о событиях давно минувших дней, Амин Маалуф не только погружает читателя в прошлое, но и рассуждает о современном мире и размышляет о возможности сосуществования на одной территории людей разных культур, национальностей и вероисповеданий.

Следующий рассматриваемый нами роман Амина Маалуфа «Les Désorientés» посвящен теме изгнанничества. Временной отрезок ограничивается 16 днями, которые главный герой по имени Адам проводит на своей родине, куда возвращается из Франции впервые за 25 лет, проведенных в эмиграции, чтобы попрощаться со своим умирающим другом. В течение этого времени он встречается с друзьями своей юности и предаётся воспоминаниям. Герой осознает, что стал изгнанником: он чувствует себя чужим не только во Франции, куда он эмигрировал много лет назад, но и у себя на родине в Ливане.

В романе звучит тоска автора по «потерянной» родине, по Ливану периода его культурного расцвета вплоть до начала гражданской войны в 1975 году. Несмотря на то, что в произведении прослеживается история Ливана с 1970-х по 2000-е годы, название страны ни разу не появляется на страницах романа. Вместо него писатель обозначает место действия такими терминами: *notre Levant, la civilisation levantine, cet univers levantin*, обобщенно говоря о «Леванте». Этим термином принято обозначать страны Восточного Средиземноморья, чаще всего имея в виду Ливан, Израиль, Палестину и Сирию. Однако конкретных географических границ у этого термина нет, а сам А. Маалуф на страницах романа этот термин не поясняет. Зато в его эссе, о котором речь пойдет далее, можем обнаружить нужное объяснение: «Lorsque certains livres parlent du Levant, son histoire reste imprécise, et sa géographie, mouvante <...> Tel que je l'emploie, ce vocable suranné désigne l'ensemble des lieux où les vieilles cultures de l'Orient méditerranéen ont fréquenté celles, plus jeunes, de l'Occident» [Maalouf 2019: Prologue]¹. Возвращаясь к роману, стоит отметить, что отказ автора конкретизировать место действия кроется в желании подчеркнуть, что главной его задачей является не привязка исторических событий к

---

¹ Поскольку книги А. Маалуфа использовались в электронной версии, где нумерация страниц отсутствует, при цитировании будут указаны только номера частей книги (римскими цифрами) и их разделы (арабскими цифрами). В данном случае цитата берется из пролога к эссе, где цифровые обозначения отсутствуют. Перевод цитат, приведенных во второй главе, дан в Приложении к работе.

определенной стране, а смещение акцента на психологическое развитие группы друзей, принадлежавших к разным сообществам, религиям и нациям, которых разбросало по миру после начала гражданской войны в стране.

Развитие основной сюжетной линии постоянно перемежается воспоминаниями времен юности главного героя и ностальгией по безвозвратно утерянному прошлому, а точнее по юношеской вере в светлое будущее. Чередую повествование, ведущееся от третьего лица, с дневниковыми записями главного героя Адама и электронной перепиской с его друзьями, Амин Маалуф через своих персонажей, разбросанных по всему миру, описывает свои чувства и мысли, вызванные эмиграцией.

Наконец, в своем эссе «*Le Naufrage des Civilisations*» Амин Маалуф подробно рассматривает историю развития общества конца XX – начала XXI века. Рассуждая о тяжелом кризисе, который переживают наши цивилизации, автор стремится быть сторонним наблюдателем исторических и политических процессов и в первую очередь показать проблемы современного общества через призму трагической истории арабомусульманского мира. Принимая во внимание тот факт, что сам А. Маалуф провел детство и юность в Ливане и Египте, можно отметить особую озабоченность автора событиями, происходящими на Востоке, и попытку донести до западного читателя идею о том, что можно избежать краха цивилизации, если изучить то, что уже произошло с восточными государствами и чего можно было избежать.

Во всех трех произведениях связь с Востоком проявляется не только на сюжетном уровне, но и на языковом. Красочно описывая восточные реалии и проводя параллели с западными, писатель прибегает к различным языковым и экстралингвистическим приемам, отражающим его мультилингвизм. В силу того, что его тексты изобилуют примерами, в которых ярко выражен культурный и национальный колорит, в работе будут представлены самые яркие на наш взгляд примеры. Выявленные языковые и

экстралингвистические средства, с помощью которых реализуется мультилингвизм в работах А. Маалуфа, были классифицированы по функциям, которые они выполняют в тексте. Обратимся сначала к языковым средствам выражения мультилингвизма Амина Маалуфа.

2.2. Иноязычная лексика

Как уже отмечалось ранее, в литературных произведениях мультилингвизм писателя реализуется в первую очередь за счет употребления автором лексики иноязычного происхождения.

Первыми рассмотрим иноязычные единицы, несущие в себе эмоционально-оценочный компонент, поскольку они сильнее всего привлекают к себе внимание читателя.

2.2.1. Эмоционально-оценочная функция иноязычной лексики

Безусловно, важной частью коммуникации является выражение говорящим своего отношения к адресату, явлению или предмету сообщения, что передается посредством языковых единиц, в значении которых содержится эмотивно-оценочный компонент. Некоторые иноязычия уже содержат в своей семантике эмоционально-оценочный компонент, а в некоторых случаях он может проявиться под влиянием контекста.

Пейоративная коннотация

Прежде всего, интересны случаи, когда иностранные лексемы используются для создания пейоративной окраски речи:

- « — Cet homme est un ivrogne, un mécréant, un *filassouf* !

Il a sifflé ce dernier mot comme une imprécation.

— Nous ne voulons plus aucun *filassouf* à Samarcande !

Un murmure d'approbation dans la foule. Pour ces gens, le terme de « philosophe » désigne toute personne qui s'intéresse de trop près aux sciences profanes des Grecs, et plus généralement à tout ce qui n'est pas religion ou

littérature. Malgré son jeune âge, Omar Khayyam est déjà un éminent *filassouf* <...> » [Maalouf 1988: I/1].

Здесь слово философ «*filassouf*» передается методом практической транскрипции, отражающим арабское звучание слова и его орфографическую форму, что позволяет отнести его к классу иноязычных вкраплений, выполняющих оценочную функцию. Слово имеет явную пейоративную коннотацию, звучание которой усиливается за счет использования слов *ivrogne* (пьяница) и *mécréant* (нечестивец), которые предшествуют слову *filassouf* («филассуф») и являются контекстными синонимами. После прямой речи автором дается подробное разъяснение появившейся пейоративной окраски у слова: «философом» называли любого, кто проявлял непомерный интерес к светским наукам греков и в более широком смысле ко всему, что не являлось религией или литературой. Дело в том, что среди персидского населения XI века взращивалось представление о том, что философия является вероотступничеством, как и практически любая наука. И позднее, из разговора Омара с правителем Самарканда читатель узнает, что причиной тому был страх начала волнений среди населения.

Рассмотрим еще один пример:

- « Il mime une profonde courbette, fait voltiger ses doigts des deux côtés de son turban, s’attirant immanquablement les gros rires des badauds.
— Comment ai-je pu ne pas reconnaître celui qui a composé ce *robai* si plein de piété et de dévotion » [Maalouf 1988: I/1]

В данном случае использовано сразу два слова иностранного происхождения. Персидское заимствование *turban* (тюрбан) – мусульманский мужской головной убор. Упоминание прикосновения руками к тюрбану в поклоне считалось в Персии выражением уважения по отношению к собеседнику, однако здесь такое описание, конечно, соответствует

проявлению издевательства со стороны набожных жителей Самарканда, которые презирали философов за их вольнодумие.

Если персидское заимствование освоено французским языком, то следующее встречающееся здесь иноязычие можно отнести к экзотизмам. Это арабское слово *robai* (рубай), обозначающее форму лирической поэзии, а именно четверостишие с размышлениями на философские темы. Это слово отмечено в тексте курсивом и имеет пейоративную окраску, а дальнейшее определение этих стихов как набожных имеет явно иронический подтекст, поскольку рубай считались философской лирикой, а философия, как уже отмечалось выше, осуждалась, поскольку считалась вероотступничеством. Стоит отметить, что в приведенном фрагменте нет авторского пояснения к значению слова, поскольку далее в тексте автор приводит несколько примеров такой лирики.

В романе «Les Désorientés», как и в романе «Samarcande», тоже довольно часто можно встретить иноязычную лексику:

- « Mais dans les chuchotements des élèves revenait sans cesse ce mot levantin, mi-arabe mi-turc, de “meharrebji”, qui signifie contrebandier » [Maalouf 2012 : III/4].

А. Маалуф уточняет, что приведенное им слово *meharrebji* наполовину арабское, наполовину турецкое. И действительно, это, по всей видимости, слово на ливанском диалекте арабского языка, поскольку в литературном арабском слово «контрабандист» звучит несколько по-другому: مُهَرَّب (muharrib) [Баранов 2006/II: 851].

В данном случае иноязычие привносит в речь скорее пейоративную окраску, поскольку употреблялось оно учениками, которые перешептывались в школьных коридорах по поводу профессии отца одного из героев романа по имени Альберт. Не решаясь спросить у Альберта лично, ученики

распускали различные слухи по поводу работы его отца, и чаще всего повторялось как раз приведенное слово.

Следующее арабское слово встречается в контексте самоназвания семейного клана:

- « Sur le papier, ils avaient le même patronyme que Mourad, mais leur clan avait un surnom, les ‘Znoud’, ‘les bras’ – une allusion, je suppose, à leur force physique ; notre ami se plaisait à les appeler, en français, ‘les fiers-à-bras’ » [Maalouf 2012: VI/3].

Как полагает сам автор, самоназвание семейного клана *Znoud* являлось намеком на физическую силу его представителей. Сам термин восходит к арабскому языку и является формой множественного числа от слова زَنْدٌ (*zand*), что в переводе означает «предплечье» [Баранов 2006/І: 335]. Однако герой тут же добавляет, что Мурад предпочитал называть этот семейный клан на французский манер «*les fiers-à-bras*», что показывает негативное отношение героя к его представителям. Дело в том, что словосочетание «*le fier-à-bras*» несет в себе пейоративную окраску и обозначает хвастливого человека, который выставляет себя храбрецом, на самом деле таковым не являясь [эл.рес.: CNRTL].

Важным отличием следующей рассматриваемой нами работы А. Маалуфа «*Le Naufrage des Civilisations*» от его более ранних произведений является большое количество англицизмов. Как и в случае с любой другой иноязычной лексикой, английские слова автор иногда выделяет курсивом:

- « Et si Reagan n’avait pas déclaré la guerre au *welfare state* et à la mythique *welfare queen* ? » [Maalouf 2019: IV/2]

Однако курсив используется только в случаях, когда автору требуется сделать акцент на иноязычных терминах. Здесь речь идет о всемирно известных уничижительных терминах *welfare state* (государство всеобщего

благосостояния) и *welfare queen* (королева благосостояния), которые были популяризированы Рональдом Рейганом во время его президентской кампании. В данном случае прослеживается печальная ирония автора по поводу этих терминов, связанных с реформацией сферы социального обеспечения, в частности, в США. Можно сказать, что английские идиомы помогают автору передать пейоративную оценку данного факта, поскольку английская лексика, выделенная курсивом, как будто пародирует речи американского Президента.

- « D'un scénario classique, souvent observé par le passé – des communautés d'origines différentes qui se retrouvent côte à côte, qui commencent par se méfier les unes des autres et par échanger des coups, avant que leurs relations ne s'apaisent et qu'elles finissent par oublier qu'elles ont été ennemies –, nous avons basculé dans un scénario où ce « happy ending » n'est plus à l'ordre du jour » [Maalouf 2019: IV/6].

Говоря о том, что в классическом сценарии, по которому развивались различные многонациональные сообщества, начиная с неприязни друг к другу и заканчивая более-менее мирным сосуществованием, мы ждем счастливый финал, А. Маалуф с горечью предполагает, что тенденции развития современного общества говорят нам об обратном и что зарождающиеся в разных частях света конфликты практически не оставляют нам надежды на построение общества, основанного на взаимоуважении. Английское выражение *happy ending* широко используется во всем мире, и что интересно, именно в таком виде с герундием оно считается идиоматическим, в отличие от сочетания *happy end*. И здесь с помощью этой фразы автор стремится передать свое сожаление по поводу повсеместного изменения траектории развития общества, в котором наблюдается все меньше терпимости.

Мелиоративная коннотация

Довольно часто в произведениях А. Маалуфа встречаются иностранные лексемы, передающие положительную эмоциональную окраску:

- « Bienvenue à l'imam Omar Khayyam, l'homme que nul n'égale dans la connaissance de la tradition du Prophète, la référence que nul ne conteste, la voix que nul ne contredit » [Maalouf 1988: I/3].

Слово *imam* (имам, *досл.* стоящий впереди, руководитель) – заимствование арабского происхождения, употребляется здесь с целью передать подчеркнуто почтительное обращение к Омару Хайяму как к религиозному вождю. Так к нему обращается при первой встрече кади Самарканда, чтобы усмирить недовольных жителей, обвинявших Омара в вероотступничестве за его научную деятельность. Чуть позднее в тексте встречается ещё одно почтительное обращение:

- « Puis-je espérer qu'en dépit de tout ce qu'il a enduré, *khwajé* Omar ne gardera pas un trop mauvais souvenir de Samarcande ? » [Maalouf 1988: I/3].

Персидский титул, слово персидского происхождения *khwajé* (ходжа, *досл.* «хозяин», «господин») почетное прозвище, которое обычно употреблялось в обращении к благочестивым людям в мусульманском мире [Амиров, Зарипова 2009: 37]. В таком написании термин отражает свое персидское звучание, что позволяет отнести его к иноязычным вкраплениям. Автор никак не поясняет его значение, поскольку по контексту становится понятно, что такое обращение передает уважительное отношение к собеседнику. Далее в диалогах с представителями знати к Омару очень часто добавляется именно этот титул.

Арабские термины тоже используются в почтительных обращениях и в другом анализируемом романе:

- « Chaque année, à notre arrivée, début juillet, il y avait un rituel immuable. Le propriétaire nous attendait. On l'appelait poliment *ustaz* Halim. C'était un fonctionnaire des douanes, et il venait toujours en costume-cravate » [Maalouf 2012: III/1].

При обращении, подчеркивающим уважение к старости и положению в обществе, а также в среде образованных людей употребляется слово *ustaz* «уважаемый, почтенный» либо самостоятельно, либо в сочетании с именем [Спиркин 2008: 55]. Здесь такое обращение обусловлено как уважением к возрасту собеседника, так и его положением в обществе, поскольку человек работает в престижной сфере (*un fonctionnaire des douanes*). Кроме того, подчеркивается внешний вид персонажа (*il venait toujours en costume-cravate*), неслучайно автор делает акцент на костюме героя, поскольку Халим одет в костюм европейского образца, что не особенно было распространено в арабских странах, особенно в начале XXI века.

В данном случае, конечно, иноязычный термин придает мелиоративную окраску речи, что подчеркивает и сам автор, говоря, что обращались так к человеку вежливо (*poliment*). Писатель оставляет это арабское слово без перевода, поскольку дословное значение этого вкрапления не столь важно для выражения художественного замысла. К тому же, этот фрагмент текста является отрывком из диалога между персонажами, для которых по сюжету арабский язык был родным, и появление перевода этого термина на французский было бы сюжетно необоснованно.

Нейтральная окраска

В некоторых случаях иноязычная лексика придает тексту новые оттенки смыслов, сохраняя при этом нейтральную окраску. Например, встречается имя собственное арабского происхождения:

- « Et une caisse d'anones, et une autre d'oranges *moghrabi*... » [Maalouf 2012: VII/6].

Арабский термин مغربي (moghrabi) переводится как магрибский, марроканский [Баранов 2006/II: 560]. Мограби – это довольно известный во всем мире сорт апельсинов, поэтому здесь автор не дает дополнительных комментариев относительно данного слова, а его перевод не обязателен для понимания. Арабское слово приближает франкоговорящего читателя к арабскому миру, подчеркивая, что арабская лексика используется в повседневной жизни, даже если это не осознается носителями французского языка. Следует отметить, что от этого же корня происходят слова «эмигрант» (mughtarib) и «изгнанный» (mugharrab) [Баранов 2006/II: 559], что в глазах арабоязычного читателя может придать ироничное звучание данному контексту, создавая игру слов: герой просит отправить эти фрукты ему в Париж. И все же для франкоязычного читателя эта связь неочевидна, поэтому в данном случае можно говорить о нейтральной окраске иноязычного вкрапления.

Стоит отметить встретившийся синонимический ряд иноязычий:

- « Ni pseudo, ni alias, ni nom de guerre. On dit seulement, ‘en religion’ » [Maalouf 2012: VII/4].

Все эти лексеммы (pseudo, alias, nom de guerre) обозначают «псевдоним». В первом случае этот термин приводится на греческом языке (pseudo), далее на латинском (alias), и затем идиоматическое выражение со сходным значением на французском языке (nom de guerre). Выражение *nom de guerre* активно стало использоваться именно во времена религиозных войн во Франции, однако теперь оно чаще всего не имеет военной коннотации, а вошло в язык как обозначение псевдонима человека, которым он пользуется в определенных ситуациях. В данном случае речь идет о религиозном имени «брат Василий» (вместо имени Рамзи), которое друг главного героя взял при монашеском постриге. А такие рассуждения главного героя о том, как правильно говорить о новом имени своего друга, передают его душевные

переживания и тяжесть осознания и принятия новой жизни своего некогда светского товарища.

В одном из фрагментов текста встречается транскрипция арабского термина без его перевода:

- « J'avais vingt-deux ans, je travaillais dans l'un des principaux quotidiens du pays, An-Nahar, et je me trouvais, de ce fait, dans un poste d'observation incomparable » [Maalouf 2019: II/8].

Здесь арабское слово является названием одной из самых известных ливанских газет. В переводе с арабского слово نَهَار (*nahar*) означает «день» [Баранов 2006/II: 833]. По всей видимости, автор посчитал здесь излишним приводить отдельный перевод этого термина, поскольку французское прилагательное *quotidien* уже отражает суть названия.

В целом, нейтральная окраска иноязычий – гораздо более редкое явление, чем пейоративная или мелиоративная коннотация, появляющаяся в тексте при введении иноязычных элементов. Это связано в первую очередь с тем, что язык Амина Маалуфа очень красочный, и появление в тексте инородных для читателя элементов обычно помогает реализовать автору художественный замысел.

2.2.2. Отражение национального колорита

При описании действительности, от которой далеки франкоязычные читатели, автор зачастую прибегает к иноязычной лексике, которая ярко отражает местный колорит, помогает передать особенности другой страны, знакомит с некоторыми элементами повседневного быта. Все эти детали в совокупности создают разноплановый образ иноязычной культуры.

Религиозная терминология

Одна из самых многочисленных групп иностранных заимствований в романе связана непосредственно с религиозной терминологией, поскольку

события разворачиваются на Востоке, то есть в мусульманском мире, который в свою очередь связан с арабским языком как священным языком Корана.

Прежде всего, надо сказать, что распространены заимствования, связанные с религиозными обрядами:

- « C'est le dernier repas de Nizam, la cène est un *iftar*, le banquet qui salue la rupture du jeûne du dixième jour de *ramadane*. Dignitaires, courtisans, émirs de l'armée, tous sont inhabituellement sobres par égard au mois saint » [Maalouf 1988 : II/19].

Такие термины, как *iftar* (ифтар) и *ramadane* (рамадан) относятся к одному из пяти столпов ислама. Рамадан – месяц обязательного поста для мусульман, во время которого они отказываются от еды и питья в дневное время суток до захода солнца. Ифтар – это обряд вечернего разговения и приема пищи во время поста. Оба этих термина заимствованы из арабского языка, связаны с религией и сопровождаются объяснениями, без которых они были бы непонятны читателям, не знакомым с мусульманским вероучением.

Следующий иностранный термин тоже связан с религиозным обрядом:

- « <...> fournir à Malikshah son *taqvim*, son horoscope mensuel » [Maalouf 1988: II/15].

Термин *taqvim* (таквим) приводится в тексте с переводом – это месячный гороскоп, который высокопоставленные люди могли заказать для себя. Помимо того, что это слово тоже является заимствованием из арабского языка, оно связано с нововведениями Омара Хайяма, которые касаются его астрономических исследований, благодаря чему было принято новое летоисчисление и усовершенствованный календарь.

Необходимо упомянуть также, что не один раз в тексте используется обозначение месяцев мусульманского календаря: помимо несколько раз

встречающегося месяца *ramadane* (рамадан), упоминается и месяц *chawwal* (шавваль), что тоже помогает интегрировать культуру Востока в повествование.

Кроме того, часто встречаются термины, связанные с различными течениями ислама:

- « On racontait même que les ulémas auraient noué des contacts avec nombre d'officiers exaspérés par le comportement du prince » [Maalouf 1988: I/4].

Заемствованный из арабского языка термин *ulémas* (улемы) обозначает мусульманских богословов.

- « Il ne quitte pas une ville ou un village sans y avoir désigné un représentant qu'il laisse entouré d'un cercle d'adeptes, chiites lassés d'attendre et de subir, sunnites persans ou arabes excédés par la domination des Turcs <...>. On les appelle « batinis », les gens du secret, on les traite d'hérétiques, d'athées » [Maalouf 1988: II/16].

В приведенном отрывке можно обнаружить сразу несколько религиозных терминов, заимствованных из арабского языка: *chiites* (шииты), *sunnites* (сунниты), *batinis* (батиниты). Шиитами и суннитами называют людей, принадлежащих к двум разным направлениям ислама – шиизму и суннизму соответственно. Батиниты же – сторонники символического толкования Корана и сунны, скрытого смысла в сакральных текстах [Шагавиев 2015: 297].

- « La référence à Avicenne dans la bouche d'un cadi de rite chaféite n'a rien de rassurant <...> » [Maalouf 1988: I/2]

Термин *chaféite* (шафиит) обозначает приверженца одной из правовых ортодоксальных школ суннитского ислама [Шагавиев 2015: 305]. Упоминание Авиценны в данном контексте отражает переживания Хайяма за

свою судьбу, поскольку первый осуждался некоторыми ревностными мусульманами за свою светскую научную деятельность.

В романе «*Les Désorientés*» религиозная терминология тоже довольно распространена, часто можно встретить, например, арабские слова в наименовании религиозных течений:

- « *Beaucoup plus sérieux était le mouvement des Frères musulmans, les Ikhwan* » [Maalouf 2012: IX/4].

Здесь стоит обратить внимание на слово *Ikhwan*, французским эквивалентом которого является *Frères*. Стоит отметить, что в данном случае автор не только знакомит читателя с арабской лексикой, но и имитирует подбор слов персонажем. По сюжету герои, между которыми происходит диалог, часто общаются на французском, однако некоторые термины более привычны для них в своем арабском звучании. Далее это же слово встречается уже отдельно без перевода:

- « *Les jeunes y adhéraient par milliers, et lorsqu'il y a eu le coup d'Etat des Officiers libres, en cinquante-deux, tout le monde pensait que Nasser, Sadate et compagnie étaient des Ikhwan en uniforme* » [Maalouf 2012: IX/4].

Несмотря на то, что движение свободных офицеров в Египте действительно пыталось заручиться поддержкой Братьев-мусульман, самой многочисленной организации Египта на тот момент, уже незадолго до революции 1952 года пути двух этих течений разошлись, поскольку теократическая программа «политического ислама» не устраивала представителей революционного движения. Более того, в 1950-е годы светский националистический режим Абделя Насера видел в организации «Братьев-мусульман» главную угрозу безопасности политического режима страны, что спровоцировало жестокие гонения на подозреваемых членов группы [Шагавиев 2015: 181]. Как упоминает А. Маалуф, разъяренные

«Братья» даже предприняли попытку убийства Насера в 1954 году. И все же, несмотря на непродолжительное сотрудничество двух этих течений, ассоциация свободных офицеров с братьями закрепилась надолго, поэтому А. Маалуф говорит о том, что революционеров во главе с Абделем Насером часто воспринимали как Братьев в форме. Выражение *Ikhwan en uniforme* связано с тем, что подавляющая часть участников движения «Свободных офицеров» была представлена военными.

Следующий арабский термин тоже становится элементом религиозного контекста:

- « *Moi je viens d'une famille croyante, et pieuse. Mon arrière-grand-père était cheikh-el-islam du temps des sultans ottomans* » [Maalouf 2012: VIII/1].

Шейх аль-Ислам, или «старейшина ислама» - почетный титул, использовавшийся для обозначения главного должностного лица по вопросам ислама, обычно его присваивали богослову, пользующемуся уважением в умме. Должность приобрела особое религиозно-политическое значение во времена Османской империи, когда шейх аль-ислам принимал участие в принятии решений по политическим и социальным вопросам, кроме того, от него зависело замещение высших судебных должностей. Однако эта должность была упразднена после создания турецкой республики в 1920-х годах [Халидов 1991: 289-290].

И далее автор развивает идею преемственности поколений хотя бы в контексте сохранения традиций:

- « *Chez les miens, on a toujours jeûné le ramadan. C'était naturel, ça allait de soi, on n'en faisait pas toute une histoire* » [Maalouf 2012: VIII/1].

Сохраняя традиции предков, семья, в которой по сюжету вырос один из героев, вела благочестивый образ жизни, соблюдая и пост в месяц рамадан.

Герой вспоминает об этом, сокрушаясь, что теперь соблюдение религиозных предписаний становится средством выставления себя напоказ.

Здесь можно обратить внимание еще на одно слово арабского происхождения, которое уже прочно закрепилось практически во всех языках мира: *ramadan*. И, что особенно интересно, если в романе А. Маалуфа «Samarcande» этот термин встречался в таком написании: *ramadane*, то здесь, в более позднем романе мы уже видим офранцузенное написание, в соответствии с языковой нормой: *ramadan*.

Перейдем теперь к религиозной терминологии, которая в большом количестве встречается в эссе «Le Naufrage des Civilisations». Автор очень много говорит о причинах возникновения того или иного воинственного течения ислама:

- « Ce fut notamment le cas d'Oussama Ben Laden ; il s'employa désormais à construire le puissant réseau jihadiste global qui prendrait un jour le nom d'Al-Qaïda, « la Base » <...> » [Maalouf 2019: III/9].

Важно отметить, что впервые это название появляется несколькими абзацами ранее, но там его перевод не дается. В контексте размышлений о тесной связи событий, происходящих в разных уголках мира, автор упоминает название организации «Аль-Каида» (что в переводе с арабского означает «основа», «база»), признанной на данный момент большинством стран террористической. Несмотря на то, что организация эта появилась только в конце 80-х годов XX века, автор говорит, что истоки ее зарождения кроются еще в событиях 1979 года, когда суннитами была захвачена одна из главных святынь мусульман – Заповедная мечеть в Мекке, с целью противостояния политике саудовских правителей сближения с западными странами. Двухнедельная осада мечети спровоцировала, с одной стороны, зарождение радикальной суннитской воинственности, что вылилось позднее в создание террористической организации, а с другой, – подрыв авторитета

правительства Саудовской Аравии, которому потребовалось так много времени на освобождение мечети, что тоже не осталось без последствий.

Что же касается самого слова, надо отметить, что автор решает привести перевод с арабского именно здесь, поскольку в данном контексте важна идеологическая составляющая, которую и раскрывает значение этого имени собственного.

В следующем примере можно встретить сразу несколько заимствований из арабского языка:

- « <...> en juillet 79 la décision américaine d'armer clandestinement les moudjahidines islamistes afghans <...> en décembre 79, l'entrée en Afghanistan des troupes soviétiques, contre lesquelles le jīhadisme moderne allait mener sa guerre fondatrice... » [Maalouf 2019: III/7].

Рассмотрим сначала термины *moudjahidine* и *jihadisme*. Оба этих слова являются заимствованиями из арабского. Слово *moudjahidine* произошло от арабского مُجَاهِدٌ [mujahid] - моджахед в арабском «борец за правое дело» [Баранов 2006/II: 144]. Второй термин *jihadisme* образован от арабского جِهَادٌ [jihad] – усилия; старания во имя Аллаха [Там же]. Оба этих термина образованы от арабского глагола جَاهَدَ (jahada) – стараться, прилагать усилия, бороться [Там же], и если джихад – это масдар (отглагольное имя), называющий действие (усилия), то моджахед – это причастие действительного залога, обозначающее непосредственно деятеля (борец за правое дело).

Современная коннотация этих слов, безусловно, отрицательная и связана с действиями террористических организаций, тогда как первоначальное значение этих терминов в религиозном контексте не столь пугающе. В современных концепциях ислама проводится различие между великим Джихадом – самосовершенствованием и борьбой со своими страстями – и малым Джихадом – войной с неверными [Амиров, Зарипова

2009: 12]. Однако во французском, как, собственно, и русском языках эти термины связывают прежде всего с вооруженной борьбой. Более того, появился даже неологизм *jihadisme* (джихадизм) для обозначения воинствующих исламских течений, которые воспринимаются как угрожающие Западу.

- « On la [une tonalité identitaire] retrouve chez les républicains américains, chez les nationalistes israéliens du Likoud, chez les nationalistes indiens du BJP, chez les talibans d’Afghanistan, chez les mollahs d’Iran, et plus généralement chez toutes les forces politiques qui ont opéré, à partir des années soixante-dix, leur propre révolution conservatrice » [Maalouf 2019: III/7].

Среди прочих наименований разных политических объединений здесь встречаются два слова арабского происхождения: *talibans* и *mollahs*.

Термин *mollah* (мулла) восходит к арабскому مَوْلَى (mawla) в значении «господин, повелитель, владыка» – это знаток мусульманского ритуала, служитель культа; учитель религиозной школы; грамотный, ученый человек [Амиров, Зарипова 2009: 25]. Здесь упоминание иранских мулл связано с Исламской революцией в Иране 1979 года под предводительством аятоллы Хомейни, о чем упоминает А. Маалуф. Именно мусульманское духовенство (в частности муллы) были организаторами многочисленных демонстраций.

Что касается слова *taliban*, этот термин тоже имеет в своей основе арабское слово طَالِبٌ (talib), означающее «ищущий», «учащийся», «студент» [Баранов 2006/II: 477]. Сам термин обозначает радикальное религиозно-политическое военизированное движение, преимущественно на территории Афганистана. Целью этого движения является ведение военного джихада и создания истинного (с их точки зрения) исламского государства [Шагавиев 2015: 239].

В данном случае эти и другие термины употреблены автором в контексте разговора о консервативных революциях, в основе которых лежит кризис идентичности. А. Маалуф упоминает различные политизированные движения как реакцию на пренебрежительное отношение со стороны разных стран к социальной несправедливости по отношению к тем или иным идентичностям.

Наряду с заимствованиями, которые в настоящее время все чаще используются большинством западных языков (*l'islamisme les sunnites, les chiites, les ismaéliens*), встречаются и такие экзотизмы, как *khomeyniste, l'ayatollah, les druzes, les alaouites* и другие, как, например, в следующем отрывке:

- « Certains observateurs, qui s'intéressent de près à l'histoire du royaume [saoudien], parlent d'un « traumatisme de 1979 », à partir duquel le régime, craignant d'apparaître comme trop mou dans la défense de la foi, dut redoubler d'efforts pour propager le wahhabisme et le salafisme à travers le monde <...> » [Maalouf 2019: III/9].

Здесь употреблены два экзотизма: *wahhabisme* (ваххабизм) и *salafisme* (саляфизм), являющиеся терминами арабского происхождения.

Обратимся сначала к их определениям. Саляфизм – это аскетическое движение в исламе, последователи которого (саляфиты) консервативно и буквально интерпретируют духовные источники, а также особое значение придают учению ранних мусульман (т.е. близких к Пророку Мухаммаду) [Шагавиев 2015: 303].

Ваххабизм – это вариант более широкого саляфитского движения в исламе, происходит от идей Мухаммада ибн Абдальваххаба, который считается сторонником пуританского возрождения религиозной морали XVIII в. Он заключил союз с предками нынешней правящей саудовской

семьи. Соответственно, по сей день ваххабизм является официальной доктриной правящих кругов в Саудовской Аравии [Шагавиев 2015: 297].

Активное распространение этих движений происходит, по словам автора, именно после событий 1979 года, когда суннитские джихадисты совершили нападение на Заповедную Мечеть в Мекке. Это повергло в шок страну, которая отличалась своим строгим религиозным законодательством, но не смогла предотвратить развитие воинствующего религиозного движения, обвинившего Саудовскую Аравию в том, что она «недостаточно исламская». Следствием этих кровавых событий 1979 года стало финансирование религиозных объединений саляфитов и ваххабитов, отличающихся активным неприятием «безбожного» общества, по всему миру.

Такими многочисленными рассуждениями о проблемах арабомусульманского мира А. Маалуф помогает читателю увидеть зависимость между религией, политикой, традициями восточных стран и западным миром.

Топонимы

Что касается топонимов, то они представлены в тексте всех трех произведений, но ярче всего – в романах, где упоминание нового топонима иногда сопровождается историей его появления в языке:

- « En dialecte local, Alamout signifie « la leçon de l'aigle ». On raconte qu'un prince qui voulait bâtir une forteresse pour contrôler ces montagnes y aurait lâché un rapace dressé. Celui-ci, après avoir tournoyé dans le ciel, vint se poser sur ce rocher. Le maître comprit qu'aucun emplacement ne serait meilleur » [Maalouf 1988: II/17].

Так, название города-крепости Аламут сопровождается переводом с персидского диалекта (урок орла). Кроме того, автор знакомит читателя с

легендой о возникновении этого города-крепости, что обосновывает появление перевода топонима.

В романе «Les Désorientés» писатель тоже не обходит стороной некоторые топонимы. Так, например, писатель дает арабское название деревни и сразу же поясняет его значение:

- « Il leur fallut plus d'une heure et demie pour atteindre le village d'El-Maghawer, Les Grottes, où se trouvait le monastère du même nom » [Maalouf 2012: IX/3].

Термин El-Maghawer – это множественное число от арабского слова مَغَارَة (maghara), что в переводе означает «пещера», «грот». Перевод названия в данном случае помогает избежать описания местности, где был расположен одноименный монастырь. У читателя сразу возникает образ уединенного места, скрытого от посторонних глаз каменным рельефом.

2.2.3. Создание исторического колорита

Помимо национальной окраски, которой обладает иноязычная лексика, она также способна отражать исторический колорит. Это связано с тем, что некоторые иноязычные единицы «соотносятся непосредственно с денотатом, который в большей мере специфичен для конкретной исторической эпохи» [Кожевникова 2016: 65]. Ярче всего такая функция иноязычий проявляется, конечно, в историческом романе «Samarcande», где исторический контекст создается в языке автора благодаря использованию архаизмов, особенно когда речь идет о событиях XI – XII вв.:

- « Près de lui, sur une table basse, calame et encrier, une lampe éteinte, et son livre ouvert à la première page, demeurée blanche » [Maalouf 1988: I/3].

Арабское слово *calame* (калям) приводится без перевода, поскольку из последующего контекста значение термина становится понятным – это письменная принадлежность.

- « Dans le vaste *divan* du juge <...> » [Maalouf 1988: I/2]

Еще один арабский термин *divan* (диван) обозначает помещение во дворце, где собирался Совет знати для обсуждения государственных дел; в комнате обычно по периметру стояли скамьи, покрытые для удобства подушками.

Частым явлением можно назвать также и использование персидских слов:

- « Ils arborent, sur leurs bonnets de feutre, l'insigne vert pâle des *ahdath*, la milice urbaine de Samarcande » [Maalouf 1988: I/1].
- « Les deux hommes sont jeunes, il leur arrive de plaisanter ensemble aux dépens du vieux vizir, surtout le vendredi, jour du *shölen*, le banquet traditionnel que le sultan offre à ses familiers » [Maalouf 1988: I/13].

Первый термин *ahdath* (ахдатх) – название местной полиции в Самарканде, как поясняет писатель. Во втором случае персидское слово *shölen* (щёлен) использовалось для обозначения традиционного пира, задаваемого султаном для своих подданных по пятницам.

Рассмотренные термины можно отнести к архаизмам, они характерны для культуры Персии XI – XII века и помогают автору придать достоверность описываемым фактам, а также детально воссоздать эпоху Омара Хайяма.

Интересный комментарий А. Маалуф дает еще одному персидскому слову *kashani* (кашани), которым на всем мусульманском Востоке стали обозначать фаянсовые изделия, обожженные и покрытые глазурью:

- « Bâtie d'argile et de boue, Kashan. <...> C'est pourtant là que se créent les plus prestigieuses briques vernissées qui vont embellir de vert et d'or les mille mosquées, palais ou médersas, de Samarcande à Bagdad. Dans tout l'Orient musulman, la faïence se dit tout simplement *kashi*, ou *kashani*, un peu de la manière dont la porcelaine porte, en persan comme en anglais, le nom de la Chine » [Maalouf 1988: I/11].

Автор не только приводит историю возникновения слова, говоря, что оно образовалось от названия города, где изготавливался лучший глазурованный кирпич, но и проводит параллель с английским языком, в котором тоже существовало наименование изделия по знаменитому месту его изготовления – фарфор на английском (как, впрочем, и на персидском) языке называли Китаем (*англ. china*). Подобные этимологические комментарии довольно часто встречаются на страницах исторического романа, помогая читателю раскрыть особенности описываемой автором эпохи.

Частотны также иностранные слова, называющие исторические события и явления, характерные для определенного исторического отрезка времени, в эссе «Le Naufrage des Civilisations»:

- « <...> ils [les arabes] préféreront parler de « la guerre de Juin », ou de « Soixante-sept », ou encore de la « Naksa » <...> le mot signifie « revers », ou « échec provisoire » ; on l'emploie, d'ordinaire, à propos d'un accident de santé dont on estime que le malade finira par se rétablir » [Maalouf 2019: II/4].

В данном случае речь идет об арабо-израильском конфликте 1967 года, называемом «Шестидневной войной». Говоря о том, что такое название конфликта является для арабов оскорбительным, А. Маалуф приводит варианты наименования этого конфликта самими арабами: «июньская война», «шестьдесят седьмой» или «накса». Последний термин был введен

египетским президентом Абделем Насером и является арабским словом. Далее автор приводит его значение: «неудача», или «временный сбой», чаще всего употребляется в контексте проблем со здоровьем, когда, в конечном итоге, остается надежда на выздоровление больного. Арабское слово نَكْسَةٌ (naksa), кроме того, еще имеет значение рецидива, возврата болезни [Баранов 2006/II: 830], что в данном контексте можно интерпретировать как попытку поставить произошедший инцидент в один ряд с другими менее масштабными конфликтами, которые происходили ранее.

- « Il y eut, entre les deux hommes, une rencontre dont témoigne une photo étonnante, représentant Faysal dans son vêtement traditionnel, et Weizmann près de lui, une keffieh sur la tête en signe de fraternité » [Maalouf 2019: II/6].

Интересно, что в этом примере слово *keffieh* (куфия) – это традиционный головной убор бедуинов, состоящий из сложенного куска ткани и удерживаемый на голове обручем, стал символом палестинцев [эл.рес.: Larousse]. Сам термин заимствован из арабского (араб. كوفية, - keffiyah).

В данном контексте куфия названа автором символом братства, поскольку на встрече с королем Сирии, основателем и первым королем современного Ирака, она была на голове израильского лидера Хаима Вейцмана, тогда как этот головной убор принадлежит традиционному арабскому костюму. Куфия считается не только символом палестинцев, но также еще в начале XX века стала символом арабского единства, когда происходили массовые демонстрации против колониального присутствия европейцев, во время которых арабы надевали куфии [Ахунов 2014: 305].

Два следующих примера создают историко-политический контекст:

- « C'est en cet instant de gloire que le raïs prononça l'arrêt de mort de l'Égypte cosmopolite et libérale » [Maalouf 2019: I/2].

Здесь встречается еще одно заимствование из арабского языка – *raïs*. Этот термин образован от арабского رَئِيسٌ (*raïs*) – глава, управляющий [Баранов 2006/І: 323]. Термин раис в арабских странах, в частности в Египте, использовался для обозначения Президента республики, Председателя совета и т.п. [эл.рес.: Larousse].

- « Rappeler que c'est à l'Opéra du Caire que l'on créa, en 1871, Aïda, de Verdi, une commande du khédive d'Égypte » [Maalouf 2019: I/1].

Термин *khédive* принадлежит персидскому языку и обозначает титул вице-султана Египта периода зависимости Египта от Османской империи (1867 - 1914) [эл.рес.: CNRTL].

В двух последних рассмотренных нами примерах мы можем наблюдать использование заимствований из восточных языков. Вследствие того, что эти слова уже были освоены французским языком, автор никак не отмечает их графически и не дает никаких дополнительных комментариев относительно их значения. Однако они все еще несут в своем звучании компонент инородной культуры и помогают писателю придать тексту необходимый временной колорит.

Встречаются в тексте также и историко-культурные этнографические термины:

- « Ce fut le cas en Égypte pour les Syro-Libanais ou les Grecs, en Libye pour les Italiens, comme en Algérie pour les pieds-noirs » [Maalouf 2019: I/5].

В данном случае таковым является термин *pied-noir*, появившийся во времена французской колониальной экспансии (в Алжире вплоть до 1962 г.) для обозначения французов, происходивших из Алжира и проживавших на его территории или репатриированных во Францию.

Происхождение этого термина является предметом нескольких гипотез. Согласно самой распространенной, он был засвидетельствован еще в начале XX века и обозначал матроса-кочегара на угольном судне. Считается, что это прозвище возникло из-за того, что кочегары на пароходах ходили босиком по угольному отсеку корабля. Поскольку эти кочегары часто были алжирцами, впоследствии термин *pied-noir* в более широком смысле стал обозначать алжирца. Примерно с 1955 года так стали называть франкоалжирцев, поскольку сами они себя причисляли к алжирцам, а коренное население именовали арабами или мусульманами [эл.рес.: CNRTL].

Употребление автором такой историко-культурной лексики помогает ему подчеркнуть важность принятия особенностей каждого человека, откуда бы тот ни был родом, иначе, по словам писателя, крах цивилизации неизбежен.

Имена собственные

Обращает на себя внимание также и обилие в тексте имен собственных, относящихся к разным культурам и эпохам. Особенно это заметно в эссе «Le Naufrage des Civilisations». Там встречаются и восточные имена (Youssef Chahine, Omar Sharif, Gamal Abdel Nasser, Khomeiny, Saddam Hussein, Mouammar Kadhafi, Omayyah Ibn Abissalt al-Andalusi), и имена западных деятелей (Churchill, l'empereur François-Joseph, Ronald Reagan, Mme Thatcher, Bertolt Brecht, Paul Éluard, George Orwell), африканские (Lumumba, Mandela) и советские (Marx, Staline, Lénine, Mikhaïl Gorbatchev, Tchékhouv, Gagarine), среди которых как политические деятели, так и деятели искусства и науки. Их обилие, несомненно, помогает автору погрузить читателя в атмосферу описываемых событий.

Рассуждая о возможности возрождения величия арабской цивилизации, А. Маалуф использует прием перечисления:

- « Oserai-je espérer qu'un jour, les peuples qui ont donné naissance à Averroès, à Avicenne, à Ibn Arabi, à Khayyâm et à l'émir Abdelkader, sauront eux aussi redonner à leur civilisation des moments de vraie grandeur? » [Maalouf 2019: II/3]

Говоря о величии арабской нации, автор упоминает всемирно известных деятелей арабского происхождения эпохи расцвета восточных цивилизаций. Такое обилие фамилий помогает погрузить читателя в культуру Востока. Более того, несмотря на то, что в своем эссе А. Маалуф несколько отходит от постоянного использования арабизмов, погружение в арабоязычный мир достигается в том числе за счет упоминаний восточных деятелей или цитат из сочинений арабских поэтов.

Помимо фамилий восточных деятелей давно ушедшей эпохи А. Маалуф упоминает также и выдающихся личностей XX века арабского происхождения, подчеркивая тем самым, что здесь идет речь именно о культурной составляющей арабо-мусульманского мира:

- « J'aurais été enchanté si l'univers culturel qui avait produit Cavafy, Camus, Ungaretti ou Asmahane avait pu se transformer et s'adapter au lieu de disparaître complètement <...> » [Maalouf 2019: I/5].

Практически все эти люди, упомянутые А. Маалуфом, за исключением египетской певицы Асмахан, прославились своими работами на других языках. Однако автор ставит их в один ряд, потому что ему важно подчеркнуть именно принадлежность всех этих людей к Востоку.

Кроме того, некоторые топонимы в историческом романе также создают исторический колорит: они возникают в контексте исторических комментариев. Так, автор упоминает города Мерв (Merv), Балх (Balkh) и Нишапур (Nishapur) как пришедшие в упадок к концу XIII века бывшие интеллектуальные центры региона Хорасана (Khorassan). Еще один город Рей (Ray), бывший центром развития медицины, и вовсе прекратил свое

существование, разве что рядом с бывшим городом впоследствии появился новый центр культурного развития – Téhéran (Тегеран). А. Маалуф не обходит стороной судьбу этих городов, говоря о повсеместных разрушениях после нашествия монголов. Упоминание этих топонимов приводится в конце второго раздела романа, незадолго до того, как события повествования переносятся в конец XIX века. Таким образом, автор образно прощается с эпохой Омара Хайяма и времен расцвета Сельджукской империи.

2.2.4. Характеристика персонажа

Среди одной из важных особенностей иноязычий можно отметить функцию характеристики персонажа. Благодаря иноязычной лексике, автору удается подчеркнуть индивидуальные особенности своих героев, привлечь внимание читателя к чертам характера персонажей, самобытности их внешности и речи. Это проявляется как через имена собственные, так и через речевые особенности того или иного персонажа.

Имена собственные

Интересно, что при упоминании имен собственных автор пользуется разными приемами. Так, иногда А. Маалуф приводит дословный перевод иностранных имен:

- « Omar, fils d'Ibrahim, fabricant de tentes de Nichapour, sais-tu reconnaître un ami ? » [Maalouf 1988: I/2]

Хайям дословно переводится с персидского как «мастер палаток». Однако в данном случае не указывается, что это дословный перевод, поскольку приводится прямая речь, в которой можно увидеть имитацию обращения к Омару полным именем (Омар ибн-Ибрахим Хайям Нишапури): полное имя при рождении звучало как Омар (личное имя) ибн-Ибрахим (т.е. сын Ибрагима), далее могла добавляться профессия отца – Хайям (т.е. мастер палаток), после чего шла так называемая нисба – часть имени, обозначающая в данном случае место рождения – город Нишапур.

- « <...> Nizam-el-Molk, Ordre-du-Royaume. Jamais surnom n'a été plus mérité » [Maalouf 1988: I/9].

В данном случае писатель приводит дословный перевод персидского титула Низам-эль-Мульк – царский приказ. Более того, в следующем предложении автор добавляет, что этот титул персидским шахом был абсолютно заслужен. Здесь прослеживается и отношение автора к описываемому им герою. Однако в том же фрагменте текста встречаются и другие персидские имена, но уже без их перевода: Malikshah, Alp Arslan. Следовательно, можно сделать вывод о том, что А. Маалуф прибегает к переводу иностранных имен только в тех случаях, когда хочет сделать акцент на значении этих имен и когда они имеют художественную ценность.

То же самое можно сказать и о встречающихся именах собственных, относящихся к неодушевленным предметам:

- « Mais, du jour au lendemain, il s'était détourné des affaires de l'État, décidé qu'il était à consacrer tout le temps qui lui restait à l'achèvement d'un livre, *Siyasset-Nameh*, le Traité du Gouvernement, un ouvrage remarquable, équivalent pour l'Orient musulman de ce que sera pour l'Occident quatre siècles plus tard le *Prince* de Machiavel » [Maalouf 1988: II/18].

Здесь следует отметить несколько интересных моментов. Во-первых, автор пишет о труде Низама-эль-Мулька «Сиасет-намэ» и дает перевод этого названия – трактат о правлении. Во-вторых, труд восточного правителя сравнивается с сочинением под названием «Государь» итальянского государственного деятеля Макиавелли. А. Маалуф проводит параллель Востока с Западом, отмечая, что труд «Сиасет-намэ» был столь же важным на Востоке, как в свое время «Государь» на Западе. Таким образом, автор строит мост между восточной и западной культурой, помогая франкоязычному читателю приблизиться к пониманию Востока.

Любопытно также обратить внимание на разные вариации написания имени Хайям. Так, в историческом романе его фамилия передается средствами французской графики, но отражает его персидское звучание: *Khaouam*. Один раз встречается и более офранцузенное написание, когда А. Маалуф цитирует статью Т. Готье: « Il fallut passer par Paris <...>, que Théophile Gautier lance, sur les pages du *Moniteur universel*, un retentissant «Avez-vous lu les quatrains de Kéyam?» » [Maalouf 1988: III/25]. Написание *Kéyam* отражает попытку западного журналиста приблизить восточного автора западной культуре, стилизуя его имя под западное. И, наконец, в историческом эссе А. Маалуфа тоже упоминается Омар Хайям, однако в этой работе он еще более приближает написание имени к французской языковой норме, сохраняя при этом персидское звучание: *Khaouâm*.

Особое внимание писатель уделяет именам собственным, в особенности именам своих героев, и в романе «*Les Désorientés*». В конце повествования, когда главный герой готовится к встрече с группой своих друзей, автор приводит запись из дневника Адама, где можно проследить происхождение и значение имен главных героев:

- « Naïm est l'autre nom du Paradis » [Maalouf 2012: XVI/2].

Имя Наим восходит к арабскому термину نَعِيمٌ – благополучие, счастье, а в определенных словосочетаниях действительно может означать рай [Баранов 2006/II: 815]. Интересно, что в романе это арабское имя носит герой еврейской национальности. Такое несоответствие объясняется чуть ранее в романе, когда накануне отъезда из Ливана у Наима происходит разговор с его отцом:

- « Au lieu que les uns se prénomment Michel ou Georges, les autres Mahmoud ou Abderrahman, et nous Salomon ou Moïse, on aurait tous des prénoms 'neutres' – Sélim, Fouad, Amin, Sami, Ramzi, ou Naïm » [Maalouf 2012: VIII/2].

Объясняя сыну причины отъезда из страны, где начиналась гражданская война, отец рассказывает, что в молодости тоже верил в светлое будущее, и одним из спорных вопросов среди его друзей были имена людей, относящихся к разным религиям. Молодые люди считали, что имена не должны нести в себе отпечаток религии, к которой принадлежит человек. Собственно, по этой причине отец и дает своему сыну имя сравнительно «нейтральное»: Наим.

Следующее имя Билал отсылает нас к одному из сподвижников пророка Мухаммада:

- « Il expliquait que Bilal était un affranchi d'Abyssinie, dont le Prophète appréciait la voix, et dont il avait fait son premier muezzin; ajoutant qu'à Java, "même de nos jours, tout muezzin est encore appelé Bilal" » [Maalouf 2012: XVI/2].

Здесь главный герой имеет в виду Билала аль-Хабаша, который, как говорит автор, был вольноотпущенником из Абиссинии (совр. Эфиопия) и считается одним из самых известных сподвижников Пророка.

А. Маалуф лишь упоминает, что Пророк отметил красивый голос Билала. По всей видимости, автор посчитал достаточным такой комментарий, поскольку людям, не имеющим отношения к исламу в целом достаточно понимать, что для муэдзинов важен голос, следовательно, это каким-либо образом связано с чтением молитв или призывом на них.

Если мы обратимся к значению термина «muezzin», то в первую очередь надо отметить его арабское происхождение. В переводе слово مُؤَدِّن (muezzin) означает «призывающий», «взывающий». Муэдзин – это человек, провозглашающий азан, другими словами, он осуществляет три основные функции: собирает верующих, призывает имама и объявляет о начале богослужения. По словам автора, на Яве по сей день муэдзина могут назвать билалом, и действительно в Индонезии такой вариант обозначения

муэдзинов распространен [Амиров, Зарипова 2009: 25]. Несмотря на то, что термин восходит к арабскому языку, он был заимствован многими, в том числе и европейскими, языками, вероятно, еще и поэтому автор оставляет его здесь без каких-либо комментариев.

Объяснение следующего имени и вовсе отправляет читателя во времена Древнего Востока:

- « Il faisait un détour par Sémiramis, “reine mythique de Mésopotamie, et qui était – déjà – vénérée comme une déesse” » [Maalouf 2012: XVI/2].

Имя Sémiramis (Семирамида) действительно вызывает ассоциации с легендарной ассирийской царицей, которая была одной из первых женщин-правительниц, хотя и управляла государством лишь несколько лет (с 812 по 807 г. до н.э.) в качестве регента при своем малолетнем сыне Адад-нирари III [Матвеев, Сазонов 1986: 88]. С именем этой царицы связано множество разных мифов и легенд, вплоть до почитания ее богиней, но в наше время, конечно, при упоминании этого имени чаще всего на ум приходят знаменитые висячие сады Семирамиды. Неслучайно автор дает такое имя своей героине – она тоже, подобно царице Ассирии, имеет людей в своем подчинении, поскольку является владелицей отеля, и управляет она им тоже самостоятельно, без помощи мужчины. И пусть висячих садов на её территории не упоминается, зато каждое утро ей доставляют завтрак на террасу, где она наслаждается пением птиц. Подобные параллели позволяют А. Маалуфу создать пародийного двойника великой царицы, поместив его в сниженный, комический контекст, и помогают читателю совершать путешествие между разными пластами истории. Возможно, таким образом писатель пытается донести до читателя мысль о том, что история циклична, и все повторяется на новом витке истории, правда, постепенно упрощаясь и приводя к вырождению.

Надо сказать, что писатель несколько раз упоминает Древний Восток, при этом звучат древние топонимы (Mésopotamie, Sumer, Akkad, Assur, Babel) и имя древнего правителя (Gilgamesh). Благодаря употреблению таких лексем автор апеллирует к истории древности, демонстрируя широкий кругозор своих персонажей.

Еще одно имя, на котором автор заостряет внимание, имеет арабское происхождение:

- « <...> puis [il faisait un détour] par Mourad, “le Désiré, le convoité, un nom inventé dans les cercles mystiques pour évoquer le Très-Haut, et que les Européens du Moyen Age prononçaient *Amourath*” » [Maalouf 2012: XVI/2].

В переводе с арабского языка слово مُرَاد (murad) обозначает предмет желаний; желание, намерение [Баранов 2006/1: 320]. Здесь автор не упоминает происхождение имени, однако приводит его перевод: *le Désiré, le convoité*, отмечая, что такими эпитетами в определенных кругах могли именовать Всевышнего. Упоминание средневекового произношения *Amourath* отражает игру слов: первую гласную к этому имени добавили, чтобы звучание имени отражало его значение и напоминало слово *amour*.

Далее автор останавливается еще на трех героях, отмечая, что этимология испанского имени Dolorès связана с Девой Марией, упоминая немецкое происхождение имени Albert и приводя перевод с греческого языка значения имени Basile:

- « <...> l’origine mariale de Dolorès, et sur l’étymologie germanique d’Albert – noble et illustre. Sans oublier Basile, qui veut dire “roi” ou “empereur” <...> » [Maalouf 2012: XVI/2].

Если со значением имен Albert и Basile все понятно, то связь имени Dolorès с Девой Марией вовсе не так очевидна. Дело в том, что с испанского

языка имя переводится как «скорбящая», что в католической традиции является одним из эпитетов Девы Марии.

И, наконец, говоря о значении своего имени, главный герой Адам вновь приводит выражение, которое трижды встречается на страницах романа:

- « Je porte dans mon prénom [Adam] l'humanité naissante, mais j'appartiens à une humanité qui s'éteint... » [Maalouf 2012: XVI/2].

Этой фразой начинается повествование, она же встречается в конце романа, и в ней отражается трагичная идея автора о том, что человечество вступило в фазу морального регресса, который не позволяет преодолевать разного рода конфликты и неизбежно приведет к вырождению.

Писатель проводит аналогию с более ранними временами, приводя в пример Ромула – так звали и основателя города Рим, и последнего императора Римской империи; похожая ситуация была и в Византии: и первым, и последним императором в Константинополе были люди с именем Константин. Таким образом, имя Адам хоть и несет в себе память о зарождающемся человечестве, однако герой чувствует себя скорее одним из последних людей.

Речевая индивидуализация персонажа

Иноязычия в определенных случаях, встречаясь в речи персонажей, могут акцентировать внимание на индивидуальных особенностях героев художественного произведения. Особенно ярко это проявляется в романе «Les Désorientés».

Например, в речи одного из героев можно встретить широко известный термин на иврите:

- « La Palestine, nous avons le droit de l'appeler 'eretz yisrael', et nous avons le droit d'y vivre, autant que les autres, et même un peu plus » [Maalouf 2012: VIII/2].

Выражение *eretz yisrael* (Эрец Исраэль) является транскрипцией библейского термина для обозначения исторической области «Земли Израильской». В данном случае слова принадлежат герою, который, хотя и был иудеем, осуждал действия и поведение своих единоверцев по отношению к арабскому населению Палестины. И все же, поскольку этот термин используется чаще всего именно в иудейской традиции как память о «Земле Обетованной», герой говорит, что на Палестину евреи имеют исторически больше притязаний, чем арабы. Здесь иноязычие вводится автором в первую очередь для того, чтобы продемонстрировать индивидуальные особенности действующих лиц.

Еще один иноязычный термин используется автором на немецком языке:

- « Il y a ce que les Allemands appellent ‘Zeitgeist’, ‘l’esprit du temps’, nous le suivons tous, d’une manière ou d’une autre » [Maalouf 2012: X/3].

Писатель вводит в речь главного героя термин немецкого происхождения (*Zeitgeist*), который достаточно широко известен как обозначение мыслительной традиции, свойственной той или иной эпохе. А. Маалуф дает также и французский вариант этого термина (*l’esprit du temps*), а германизм в данном случае указывает прежде всего на происхождение теории о влиянии эпохи на развитие образа мышления.

Иногда можно встретить в тексте английские фразы с их переводом на французский язык:

- « La notion de ‘point aveugle’, ou ‘blind spot’, est simplement un instrument de réflexion, je l’appelle dans notre jargon ‘a digging tool’, un outil pour creuser » [Maalouf 2012: VI/1].

Писатель намеренно вводит английские термины, ведь этот фрагмент текста является отрывком из письма Альберта, друга главного героя, который эмигрировал в США. Рассказывая о своем исследовании, Альберт использует английские термины, поскольку работа его написана на английском языке, однако он тут же дает их перевод на французский, потому что именно на нем ведется переписка.

В данном случае можно сказать, что автор вводит в речь героя иноязычную лексику, чтобы подчеркнуть речевую индивидуализацию персонажа, живущего много лет в англоговорящей стране.

Одной из ключевых задач автора является передать многонациональный и мультилингвальный колорит Востока, и это реализуется в частности при помощи языка героев. Так, в вежливом обращении к одной из героинь встречается турецкий термин *hanum* (ханум) времен Османской империи. А в речи героя, эмигрировавшего в Бразилию, можно встретить термин португальского происхождения *caipirinha* (кайпиринья), обозначающий название напитка, и даже цитату на португальском языке: «*Deus é Brasileiro!*». Фразу эту герой произносит, когда делится своими впечатлениями о культуре и атмосфере Бразилии. Также встречается итальянское название ресторана «*Nessun Dogma*» и латинское название религиозного песнопения «*Tantum ergo*».

Прежде, чем перейти к рассмотрению экстралингвистических средств, используемых автором для выражения художественного мультилингвизма, хотелось бы отметить еще один характерный для идиостиля писателя прием, который встречается на протяжении практически всего романа. А. Маалуф создает персонажам различные ситуации, когда им необходимо в разговоре переходить с одного языка на другой. Иногда это придает им тот или иной статус в глазах окружающих, а порой это необходимо для отвлечения внимания.

Например, когда главный герой только ступает на свою родную землю, он переходит на арабский язык:

- « Je m'entends demander à l'homme, en arabe et avec l'accent du pays, combien me coûtera la course. Juste pour éviter l'indignité d'être confondu avec un touriste » [Maalouf 2012: I/3].

Переход на родной язык происходит для героя практически неосознанно, он обращается к водителю такси на местном диалекте арабского языка по большей части для того, чтобы не быть принятым за туриста, что, по признанию героя, оскорбительно для него. Однако, в следующий раз воспользовавшись услугами такси, Адам слышит обращение к себе на английском языке:

- « L'homme s'adresse à moi en anglais, ce qui me fait sourire et m'irrite à la fois. Je lui répons dans sa langue, qui est ma langue natale, mais avec, sans doute, un brin d'accent » [Maalouf 2012: II/1].

Главного героя задевает, что в его родной стране он должен чувствовать себя чужим, поскольку его считают иностранцем. И, разумеется, отвечая на арабском языке, он показывает, что его обижает тот факт, что его принимают за туриста. Чтобы извиниться за то, что задел эмигрантское самолюбие своего клиента, водитель начинает критиковать страну и ее руководство и бурно восхвалять тех, кто покинул родину. Таким образом, проявляется еще одно отражение культурных реалий: отношение к эмигрантам у местных жителей неоднозначное, но в большинстве случаев, люди стараются не проявлять презрения к европеизированным соотечественникам, особенно если это не знакомые друг другу люди.

В арабоязычной стране использование арабского языка положительно сказывается на отношении к человеку со стороны жителей

той или иной восточной страны, тогда как в европейских странах арабский язык скорее вызывает подозрительность со стороны окружающих:

- « “A Paris, quand tu parles l’arabe dans un lieu public, tu n’as pas spontanément tendance à baisser la voix ?”
“Sans doute.” » [Maalouf 2012: VII/6].

Проведя более 20 лет во Франции, главный герой склонен согласиться с тем, что, если приходится переходить на арабский язык, находясь при этом в общественном месте в Париже, он, сам того не замечая, понижает голос, чтобы не привлекать излишнего внимания к себе.

И все же, несмотря на то, что в общественных местах герой стремится не говорить по-арабски, для него принадлежность к арабоязычной культуре проявляется даже на уровне выражения своих чувств: « ...c’est vrai que tous les mots affectueux me viennent en arabe » [Maalouf 2012: IX/4]. Переход с французского языка на арабский происходит для него спонтанно, и сам он может не обращать на это внимание, однако на подсознательном уровне выражать свои чувства ему проще на своем родном языке.

Вспоминая свои первые годы в эмиграции, главный герой перечитывает одно из писем, полученное от своих друзей, оставшихся в стране:

- « <...> une vieille lettre, l’une des toutes premières que j’aie reçues après mon arrivée à Paris; rédigée en anglais, mais émaillée de mots arabes, et agrémentée de petits dessins dans les marges » [Maalouf 2012: VII/4].

Несмотря на то, что само письмо было на английском языке, оно изобиловало арабской лексикой, что очень напоминает и речь самого писателя: создавая свои произведения на французском языке, он не отказывается от использования слов на родном для него арабском языке, что отражает его любовь к родине.

Диалоги между различными персонажами автор комментирует, указывая, что герои переходят с одного языка на другой. Иногда это происходит, когда герои ведут жаркий спор на арабском языке и голос время от времени повышается. Это привлекает внимание радикально настроенных исламистов в заведении, тогда собеседники переходят на французский язык и понижают голос. В другом случае, когда диалог на отвлеченные темы между двумя персонажами начинается на английском языке, автор упоминает, что герои резко переходят на арабский язык, когда начинают говорить об их общем друге и его поведении во время войны, что явно показывает их переживания и значимость для них затронутой темы.

В некоторых случаях, ведя диалог по-арабски, герои используют в речи французские фразы. Так, например, из уст одного из персонажей звучит знаменитая фраза « Il est interdit d'interdire ! », которую он произносит саркастическим тоном [Maalouf 2012: X/2].

В другом случае французские слова звучат из уст монаха: « Oui au monachisme, non au masochisme » [Maalouf 2012: XI/1]. Здесь герой вместо арабского обращается к французскому языку, поскольку в этом высказывании важна игра слов. А. Маалуф таким образом подчеркивает принадлежность своих персонажей к сразу нескольким культурам.

Интересен еще один пример отношения к языку: героиня, объясняя собеседнику, почему у нее нет египетского акцента на арабском языке, хотя она родом из Египта, говорит, что в ее семье было не принято общаться между собой на арабском. Подобно тому, как вели себя русские аристократы в романах XIX века, родители героини говорили в семейном и дружеском кругу исключительно по-французски, а на арабском обращались лишь к своему водителю, повару и швейцару. « Dans leur milieu, c'était l'habitude », - объясняет героиня [Maalouf 2012: IX/4]. Более того, говоря о местном населении, они пренебрежительно называли их «les Arabes», чувствуя свое превосходство, как будто были родом из какой-либо европейской страны. В

этом рассказе героини ярко проявляется постколониальный синдром большинства восточных стран, когда у жителей долгие годы сохраняется комплекс неполноценности относительно своей культуры и своего родного языка.

2.2.5. Заимствования для обозначения реалий и терминов, вошедших во французский язык

Еще один прием создания мультилингвизма в произведениях Амина Маалуфа, - это знакомство читателя с реалиями, вошедшими в современные европейские языки. Наиболее показательны будут примеры из исторического романа. Например, автор большое внимание уделяет истории возникновения термина *assassin* (ассасин), обозначающего приверженца тайного воинственного течения в исламе, и тому, по каким причинам вокруг секты ассасинов стали появляться мифы:

- « <...> leurs ennemis dans le monde musulman les ont parfois appelés *haschichiyoun*, « fumeurs de haschisch », pour les déconsidérer ; certains orientalistes ont cru voir dans ce terme l'origine du mot « assassin » qui est devenu, dans plusieurs langues européennes, synonyme de meurtrier. Le mythe des « Assassins » n'en a été que plus terrifiant.

La vérité est autre. D'après les textes qui nous sont parvenus d'Alamout, Hassan aimait à appeler ses adeptes *Assassiyoun*, ceux qui sont fidèles au Assass, au « Fondement » de la foi, et c'est ce mot, mal compris des voyageurs étrangers, qui a semblé avoir des relents de haschisch » [Maalouf 1988: II/19].

Этот пространный этимологический комментарий по поводу термина *assassin* (ассасин) приведен автором не просто так. В течение многих веков об ассасинах складывалось множество мифов, в том числе и миф о том, что приверженцы этого сурового религиозного течения употребляли наркотические вещества, которые помогали им быть безжалостными по отношению к своим врагам. А. Маалуф с легкостью опровергает это

суждение, благодаря превосходному знанию арабской этимологии. Он подробно разбирает причины возникновения этого мифа по вине Марко Поло, который популяризировал на Западе предположение об употреблении ассасинами гашиша перед совершением жестоких убийств, вследствие чего возникло неверное суждение об арабском слове *haschichiyoun* (курильщик гашиша), которым прозвали на Западе ассасинов, как производном от *assassin*, тогда как на самом деле два арабских слова (*assassiyoun* и *haschichiyoun*) не являются родственными. Ассасинами же они назывались по той причине, что арабское слово *assas* в переводе означает «основа» (т.е. основа веры), следовательно, *assassiyoun* – тот, кто следует основам веры.

В романе «Samarcande» нередко встречаются такого рода исторические и лингвистические комментарии. Обращая внимание на подобные языковые явления, автор не ограничивается поверхностными объяснениями, а проводит полноценный этимологический анализ слова, дает арабский эквивалент, который выделяет курсивом, и приводит его дословный перевод. Это позволяет в очередной раз еще глубже погрузиться в культуру Востока.

Интересны также и этимологические комментарии к другим словам, проникшим в европейскую культуру, им автор тоже уделяет особое внимание:

- « Pour représenter l'inconnue dans ce traité d'algèbre, Khayyam utilise le terme arabe *chay*, qui signifie « chose »; ce mot, orthographié *Xay* dans les ouvrages scientifiques espagnols, a été progressivement remplacé par sa première lettre, *x*, devenue symbole universel de l'inconnue » [Maalouf 1988: I/5].

Пространный комментарий по поводу возникновения термина для обозначения неизвестной величины, казалось бы, совершенно не обязателен, однако А. Маалуф таким образом напоминает читателю о проникновении

арабского языка в западную культуру и дальнейшее его распространение по всему миру, о чем зачастую мы даже не догадываемся.

Периодически в тексте можно встретить и широко известные по всему миру термины арабского происхождения:

- « <...> son algèbre avait été publiée à Paris en 1851 » [Maalouf 1988: III/25].

Так, слово *algèbre* (алгебра) проникло в большинство языков мира именно из арабского. Точно так же, как и некоторые другие слова, встречающиеся в повествовании, например, *harem* (гарем), *vizir* (визирь) и т.п.

2.2.6. Введение идиом как способ отражения картины мира писателя

Во многом языковую картину мира писателя отражают приводимые им устойчивые выражения, относящиеся к иноязычной культуре, ведь в них можно обнаружить отражение коллективного опыта определенного народа, его так называемую национальную языковую картину мира. В сознании писателя тоже складывается индивидуальная языковая модель. Претерпевая художественное переосмысление, эта модель придает языку автора самобытную тональность и метафоричность. В зависимости от своего видения мира автор вводит в текст те или иные выражения, которые, по его мнению, способны передать собственное мироощущение или мировоззрение определенного социума, о котором идет речь.

В романе «*Samarcande*», например, встречаются целые вкрапления идиоматических выражений на иностранном языке – в данном случае на персидском – что несколько нарушает ритм повествования и напоминает читателям, что они имеют дело с серьезным историческим романом. В то же время такие элементы персидской культуры интегрированы в текст, а их дословный перевод приводится сразу после самого выражения:

- « *Esfahane, nesf-é djahan!* disent aujourd’hui les Persans. « Ispahan, la moitié du monde! » » [Maalouf 1988: I/12].

Персидская фраза, несомненно, расширяет границы взаимодействия франкоговорящего читателя с восточной культурой, поскольку перевод этой идиомы на французский язык теряет свою художественную ценность – невозможно передать рифму, которая присутствует в персидском варианте этой фразы.

В романе «*Les Désorientés*» несколько раз можно встретить арабские фразы в религиозном контексте, когда происходит описание поминальных обрядов:

- « <...> cette phrase qui revenait constamment sur les lèvres, “ *Allah yerhamo !* ”, chaque fois qu’on se servait, puis lorsqu’on se levait de table, “ *Allah yerhamo !* ”, pour appeler sur le défunt la miséricorde de Dieu » [Maalouf 2012: VI/4].

Данному фрагменту предшествует описание поминального застолья на большое количество человек, когда за одним столом собираются все родственники, друзья, знакомые и соседи. При этом поминание продолжается несколько дней подряд. Описывая эту традицию, автор говорит о том, что такие застолья практически ничем не отличаются от праздничных застолий, единственным отличием можно назвать отсутствие смеха за столом и постоянное восклицание *Allah yerhamo* (досл. да смилуется над ним Аллах), аналогом которой является выражение «покойся с миром» / «Царствие ему небесное».

Интересно, что в данном случае А. Маалуф передает значение арабской фразы при помощи экспликации, избегая дословного перевода. Вероятно, это можно объяснить тем, что фраза *Allah yerhamo* свойственна мусульманам, но подобное выражение присутствует в каждой религии, и экспликация помогает автору провести параллель с представителями других конфессий,

поскольку читатель может вспомнить традиции своей религии, представив фразу, произносимую в таких случаях.

В данном романе также встречается пословица на арабском языке:

- « Mais, à force de vouloir éviter ce travers risible, on risque de tomber dans le travers inverse, celui de la banalisation, que résume ce proverbe bien de chez nous: ‘*Ma sar chi, ma sar metlo.*’ Je le cite parfois à mes étudiants, en le traduisant à ma manière: ‘Tout ce qui se passe ressemble forcément à quelque chose qui s’est déjà passé.’ » [Maalouf 2012: VIII/3].

В этом случае Амин Маалуф не приводит дословный перевод арабской пословицы, а приводит интерпретацию в своем переводе на французский язык. Даже без дословного перевода мы понимаем, что в арабской фразе присутствует синтаксический повтор, поскольку словосочетание *ma sar* присутствует как в первой, так и во второй части предложения. По звучанию фразы можно догадаться, что речь идет о каких-то вещах, похожих друг на друга, и перевод, приведенный автором, это подтверждает.

Любопытно, что писатель довольно часто обращается к пословицам, но чаще всего он делает это с помощью перевода:

- « L’excuse, depuis toujours, c’est que ‘l’œil ne peut pas résister à une perceuse’ comme dit le proverbe imagé » [Maalouf 2012: VI/3].
- « Mais il ne faudrait pas non plus « jeter l’enfant avec l’eau du bain », comme dit un vieil adage allemand » [Maalouf 2019: I/7].

Часто автор также обращается к экспликации:

- « La vieille sagesse levantine dit que si un homme qui te rend service n’accepte pas ton argent, c’est qu’il espère rentrer dans ses frais d’une autre manière » [Maalouf 2012: VI/3].

Язык А. Маалуфа можно назвать образным, и чаще всего автор реализует образы посредством французского языка, как это видно из последних трех примеров. Лишь в исключительных случаях, когда необходимо акцентировать внимание на звучании самой фразы, и, если это имеет определенный вес для выражения художественного замысла, писатель приводит фразу на иностранном языке.

Если говорить о вкраплениях целых фраз на иностранных языках, важно отметить, что они встречаются не только на арабском, который является родным языком для писателя, но иногда встречаются и фразы на мертвых языках, например, на арамейском:

- « <...> je me suis entendu prononcer à voix haute les paroles du Christ désemparé:
“Eli, Eli, lama shabaqtani?” » [Maalouf 2012: XI/2].

Это знаменитые слова Христа, которые Он произносит после многих часов мучительных страданий. В современном переводе на русский язык их обычно передают следующим образом: «Боже Мой, Боже Мой, почему Ты оставил Меня?» Эту библейскую фразу главный герой произносит в присутствии монахов, которые, разумеется, понимают её значение, но для читателя автор дает перевод. Стоит подчеркнуть, что фраза эта известна в нескольких вариантах: на библейском арамейском, иврите и древнегреческом языках. Однако А. Маалуф приводит здесь именно ее арамейский вариант, поскольку он действительно наиболее приближен к возможному звучанию, ведь считается, что Иисус говорил на арамейском языке.

2.3. Особенности французского текста при обрамлении иноязычной лексики

Стоит отметить, что при введении в пространство текста иноязычной лексики, автор чаще всего сопровождает ее переводом на французский язык. Иногда встречается дословный перевод иностранного термина, а, порой, автор прибегает к методу экспликации. В случае, когда перевод дословный, автор чаще всего дает его через запятую, организуя предложение по аналогии со словарной статьей, что помогает читателю обратить особое внимание на термин и его значение.

Во многом выбор автора в пользу введения иностранного термина в текст, дословного перевода, отказа от перевода вовсе или метода экспликации, зависит от художественных целей, которых он пытается добиться таким способом. Дословный перевод особенно необходим, когда писатель дает этимологический или исторический комментарий, устанавливая причинно-следственную связь между явлениями или событиями. К методу экспликации А. Маалуф обращается, когда дословный перевод иноязычной лексемы не может в полной мере отразить авторскую интенцию. И, наконец, без перевода иностранные слова остаются лишь в нескольких случаях: когда они 1) являются заимствованиями, которые уже освоены принимающим языком и не требуют перевода; 2) являются именами собственными, а их значение при необходимости можно установить из контекста, или оно не столь важно для художественного замысла. Кроме того, в случаях, когда автор оставляет иноязычные вкрапления или экзотизмы без перевода, он выделяет их в тексте курсивом, что привлекает внимание читателя. Иноязычная лексика, благодаря своей самобытности, контрастирует с текстом принимающего языка, однако писатель стремится усилить диссонанс между иностранной лексикой и окружающим ее текстом посредством дополнительных графических средств. Помимо курсивной передачи, можно отметить также кавычки, в которые заключается

иностранные слово или его перевод. Выбор в пользу курсива, привлекающего внимание к иноязычию, часто происходит с целью избежать текст от перегруженности графическими знаками одного порядка в ситуациях, когда в кавычках приводится дословный перевод.

Употребление арабских заимствований чаще всего связано обозначением культурных и исторических реалий: *calife*, *vizir*. Обращают на себя внимание и термины, связанные с религиозной тематикой: *tuezzin*, *ramadan*. Такого рода слова прошли путь ассимиляции, начиная с XIX века, когда во французский язык начали проникать слова, обозначающие арабские местные реалии [Чекалина, Ушакова 1998: 182], в том числе и религиозные. Графически такие слова в произведении никак не выделяются, однако, благодаря их экзотическому звучанию, читатель может сделать вывод, что слова эти не являются исконно французскими.

Стоит отметить, что арабские вкрапления в большинстве случаев связаны с разговорной речью, поскольку писателю важно обратить внимание на тонкости восточного мира, которые зачастую проявляются именно в повседневном общении. Кроме того, наиболее частотные арабские заимствования связаны с именно с мусульманским вероисповеданием, поскольку сюжет разворачивается в восточных странах, жители которых в большинстве своем исповедуют ислам, а священный для этой религии текст Корана составлен именно на арабском языке. Ивритизмы и арамеизмы тоже связаны с религиозным контекстом – с иудаизмом и христианством соответственно. Персидские лексемы в историческом романе направлены в основном на воссоздание повседневного быта средневековой Персии. Что же касается английских и немецких слов, то они преимущественно связаны с упоминанием научных теорий. Таким образом, можно отметить связь между происхождением иноязычия и областью использования языка, что объясняется разными целями, которых пытается добиться автор при введении такой лексики в свои произведения. В случаях, когда иноязычные

компоненты придают языку эмоциональную окраску, она усиливается при помощи французского текста, обрамляющего заимствование. Пейоративную или мелиоративную окраску речи добавляют французские слова, окружающие иноязычия и контекст, в который они помещены.

Интересно, что из арабской лексики в текст вводятся преимущественно слова, относящиеся в арабском языке к классу имен: существительные и прилагательные. Другие части речи присутствуют в составе вкраплений, когда в текст вводятся целые выражения на арабском языке, то есть когда акцент не делается на значении конкретного термина. Дело в том, что в случае, например, с глагольными формами было бы непросто давать их перевод через запятую, как это сделано с существительными, поскольку арабскому языку присуща разветвленная система глагольной парадигмы, и, в зависимости от породы глагола, его значение может меняться, инфинитива же в привычном нам представлении в арабском языке нет.

Характерно, что все арабизмы, ивритизмы, а также арамеизмы писатель передает средствами французского алфавита, что свидетельствует о приоритетной для автора роли французского языка. К тому же введение в текст, например, арабской графики могло бы затруднить его восприятие, поскольку термины пришлось бы в любом случае снабжать транскрипцией. Однако в случае с европейскими языками, звучание которых привычно французскому читателю, автор сохраняет исконное написание: *Zeitgeist* (нем.), *blind spot* (англ.), *caipirinha* (порт.). Из этого можно заключить, что приоритетной задачей автора остается адаптация текста для европейского (в частности, французского) читателя, несмотря на большое количество восточных иноязычий.

Ситуации, когда автор использует французскую лексику для обозначения восточных реалий, обычно снабжаются дополнительными комментариями: « Dans notre langue maternelle, pour dire ‘les nouveaux riches’ ne dit-on pas ‘les enrichis de la guerre’? » [Maalouf 2012: VI/3]. Здесь

А. Маалуф не дает арабский эквивалент для словосочетания *les enrichis de la guerre*, поскольку в данном случае проводится параллель именно с французской идиомой *les nouveaux riches*, однако автор от лица своего персонажа делает ремарку, что такое выражение появилось именно в его родном языке, благодаря чему читатель может понять, что речь идет об арабском.

Примечательно, что в более позднем творчестве А. Маалуф стремится подстроить иноязычные реалии под языковую норму французского языка. В частности, это проявляется в использовании артикля перед иноязычными элементами: *les Ikhwan*, *les Znoud*. В данном случае перед арабскими словами появляется артикль множественного числа, поскольку приводимые автором термины тоже в свою очередь относятся в арабском языке к форме множественного числа. Таким способом автор пытается сгладить инородное звучание слов, придавая им более французскую форму.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Во второй главе были представлены языковые средства, при помощи которых выражается мультилингвизм в творчестве Амина Маалуфа.

Чаще всего введение иноязычного термина во французский текст сопровождается его последующим переводом или экспликацией. Автор оставляет иностранные слова без перевода лишь в тех случаях, когда они уже освоены принимающим языком. Порой он все же дает дополнительные комментарии, облегчающие понимание.

Безусловно, наблюдается связь между жанром произведения и методами передачи реалий, к которым прибегает А. Маалуф, а также их функциональными особенностями. Для исторического романа наиболее характерны заимствования, придающие языку исторический колорит. Они помогают воссоздать автору описываемую эпоху, детально вырисовывая быт и обычаи инородной для читателя культуры. В романе «Les Désorientés» на первый план выходят иноязычия, характеризующие персонажей. Благодаря иноязычным терминам, которыми изобилует речь героев, автору удается передать разностороннюю развитость своих персонажей и придать их речи яркую индивидуальность. В эссе по объективным причинам отсутствуют иноязычные лексемы с эмотивно-оценочным компонентом или характеризующие персонажей. Зато в тексте встречается большое количество иноязычной лексики для создания религиозного, национального и исторического контекста.

Разительно отличается в раннем и позднем творчестве и количественное соотношение вводимой писателем в текст иноязычной лексики. Так, в историческом романе иноязычия встречаются регулярно, полностью погружая читателя в мир Востока и описываемой автором эпохи. В романе «Les Désorientés» писатель несколько отходит от повсеместного использования иноязычной лексики, хотя действие в нем тоже происходит в

восточной стране. Здесь писатель избегает арабской лексики и заменяет ее экспликацией, когда это возможно. Дело, вероятно, в том, что в позднем творчестве Амин Маалуф в большей степени подстраивается под франкоязычного читателя и его систему ценностей. В идеях, высказываемых писателем, например, в его историческом эссе можно заметить тенденцию к европоцентризму. Так, рассуждая о будущем человечества, он продвигает идею о том, что в силу разных причин именно Европа могла бы заложить основы нового миропорядка, адаптированного к новым реалиям.

Говорить об эволюции языка А. Маалуфа на основе лишь трех его произведений разных периодов, довольно затруднительно, однако можно отметить некоторые общие черты. Например, в раннем творчестве его речь изобилует экзотизмами и иноязычными вкраплениями, тогда как в более поздних произведениях писатель чаще прибегает к экспликации иноязычных терминов, опуская зачастую даже арабский эквивалент для номинации описываемого явления, как это произошло случае со словосочетанием *les enrichis de la guerre*, рассмотренном ранее. Кроме того, в двух исследуемых текстах, относящихся к позднему творчеству А. Маалуфа, заметно преобладание экстралингвистических средств, выражающих его мультилингвизм. Однако, как уже отмечалось, это зависит в том числе и от жанровой принадлежности произведения.

ГЛАВА 3. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АМИНА МААЛУФА

Особое место в романе занимают экстралингвистические средства: это и описание традиций, и исторические реалии, и взаимодействие с литературой и культурой разных стран, благодаря чему создается постоянный диалог читателя с Востоком.

3.1. Культурные реалии

В первую очередь хотелось бы остановиться на анализе культурных реалий, передаваемых писателем в своих произведениях, поскольку именно они в большей степени способны «оживить» в сознании европейского читателя неведомый для него мир Востока.

С первых страниц исторического романа читатель окунается в атмосферу средневековой Персии:

- « Place des marchands de fumée, une femme enceinte aborde Khayyam. Voile retroussé, elle a quinze ans à peine. Sans un mot, sans un sourire sur ses lèvres ingénues, elle lui dérobe des mains une pincée d'amandes grillées qu'il venait d'acheter. Le promeneur ne s'en étonne pas, c'est une croyance ancienne à Samarcande : lorsqu'une future mère rencontre dans la rue un étranger qui lui plaît, elle doit oser partager sa nourriture, ainsi l'enfant sera aussi beau que lui, avec la même silhouette élancée, les mêmes traits nobles et réguliers » [Maalouf 1988: I/1].

Вместо обычного описания внешности героя А. Маалуф прибегает к рассказу о самаркандском поверье, когда беременная женщина разделяет пищу с привлекательным незнакомцем в надежде, что ребенок будет похож на этого незнакомца. Таким образом, не вдаваясь в подробности, автор создает впечатление о герое как о красивом человеке благородного вида, с первых страниц погружая читателя в диалог с Востоком.

Следующий отрывок связан с бытом жителей Самарканда, читатель становится свидетелем разбора тяжбы между соседями:

- « Assis à l'autre bout de la pièce, le *cadi* ne l'a pas remarqué, il achève de régler une affaire, discute avec les plaignants, raisonne l'un, réprimande l'autre. Une vieille querelle entre voisins, semble-t-il, des rancunes ressassées, des arguties dérisoires. Abou-Taher finit par manifester bruyamment sa lassitude, il ordonne aux deux chefs de famille de s'embrasser, là, devant lui, comme si jamais rien ne les avait séparés » [Maalouf 1988: I/2].

При помощи такого описания автор ненавязчиво повествует читателю о традициях Персии XI века. Слово арабского происхождения *cadi* (кади) дается здесь без перевода, поскольку далее следует описание действий этого человека, из чего читателю становится ясно, что так называли судью, рассматривающего дела граждан на основе мусульманского права.

Наиболее ярко, однако же, культурный и национальный колорит проявляется в романе «Les Désorientés». В первую очередь, обращают на себя внимание культурные реалии арабского мира, ярко воссозданные автором. Так, описывая ощущения человека, который спустя много лет возвращается в свою родную страну и чувствует себя здесь чужим, автор рассказывает о некоторых ее особенностях:

- « Il avait conscience de ne plus savoir s'orienter dans cette ville aux rues sans plaques, sans numéros, sans trottoirs, où les quartiers portaient des noms d'immeubles, et les immeubles les noms de leurs propriétaires... » [Maalouf 2012: II/1].

Вспоминая свои юношеские годы, проведенные в стране, герой описывает плачевное состояние тротуаров, говоря, что никто не ходил пешком из одного района в другой:

- « Presque pas de trottoirs, et même lorsqu'il n'y avait pas encore les miliciens en armes, les barrages de contrôle et les voitures piégées, il y avait déjà tout bêtement les crevasses dans la chaussée, où l'on pouvait se casser une jambe » [Maalouf 2012: IV/3].

В контексте отражения культурных реалий стоит отметить и традицию заключения браков по расчету, когда будущие молодожены даже не имеют права поговорить друг с другом один на один:

- « Dans les milieux traditionnels, où on ne se fréquente pas du tout avant les noces, où on n'a même pas le droit de se parler en tête-à-tête avant de se lier à vie » [Maalouf 2012: VII/5].

Однако автор отмечает, что такое практикуется не во всех семьях, потому как в более развитых кругах уже стараются отходить от этой традиции:

- « Dans les milieux plus évolués, on se fréquente ; on a, en théorie, l'occasion de se jauger » [Maalouf 2012: VII/5].

Порой А. Маалуф заостряет внимание читателя на вопросах, связанных с так называемой клановой системой, поскольку по сей день одной из самых ярких черт восточных стран являются родственные связи и проблемы, связанные с этим:

- « Au village, tout le monde était plus ou moins cousin, mais le rameau auquel appartenait Mourad s'estimait supérieur » [Maalouf 2012: VI/3].

Несмотря на то, что у героя, упомянутого в отрывке (Мурад), были прогрессивные взгляды и он рассуждал о неравенстве, презрение с его стороны к семейной ветви, члены которой имели менее престижный статус в обществе, сохранялось. Примечательно, что статус общины, прежде всего, зависел от положения в городе, от престижности занимаемых должностей и обучения детей в университете.

И, конечно же, одной из самых больших трудностей является вопрос о наследстве, оспариваемым огромным количеством родственников:

- « Elle [la maison] était longtemps restée en indivision entre une vingtaine de cousins dont aucun ne voulait la lâcher, mais dont aucun non plus ne voulait s'en occuper » [Maalouf 2012: XIII/2].

Иногда для выхода из такой ситуации достаточно выкупить все доли остальных претендентов на долю наследства, но, порой, разногласия по поводу недвижимого имущества приводят к драматичным последствиям, когда представители одного клана берутся за оружие.

Для клановой системы также свойственна и кровная месть. И такие проявления пережитков прошлого А. Маалуф тоже не обходит стороной при описании различных культурных реалий, свойственных его родной стране:

- « Lors des obsèques de Jaguar, les femmes de son clan s'étaient habillées en rouge, voulant dire par là qu'elles ne porteraient le deuil que lorsque leur héros serait vengé » [Maalouf 2012: VI/3].

И описание этой традиции возобновляется, когда происходят похороны человека, виновного в смерти представителя их семейной ветви: в то время, когда похоронная процессия проходила мимо дома этой семьи, все женщины и девушки вышли на улицу: « Elles étaient toutes habillées en noir, mais toutes, sans exception, portaient autour du cou des cache-nez rouge vif, rouge sang » [Maalouf 2012: VI/5].

Таким образом женщины, с одной стороны, присоединялись к трауру, надев черное, однако их кроваво-красные элементы одежды говорили о том, что и о своем горе они не забыли. Более того, это могло быть прелюдией к возобновлению борьбы между двумя семьями за владение домом, из-за которого погиб их «мученик».

Надо сказать, что описание этой традиции неслучайно связано с женщинами, поскольку, по словам автора, именно женщины часто реагируют на клановые распри гораздо более остро, чем мужчины. Это проявляется как в поведении жен, так и в реакции матерей – они принимают близко к сердцу все ссоры своих мужей или сыновей с кем бы то ни было.

Возможно, это связано с тем, что большая часть женщин этой страны после выхода замуж целиком посвящает себя своему мужу и детям, ограничивая себя даже в праве высказывать собственное мнение:

- « Mais elle est de la vieille école, celle où les femmes ne remettent pas en cause les décisions de leurs maris. Quand elle avait des doutes, elle les gardait pour elle » [Maalouf 2012: VIII/2].

Возвращаясь к восточным традициям, иллюстрируемым автором, стоит уделить внимание поминальному ритуалу, к которому писатель не раз обращается. Частично о нем уже было упомянуто выше в контексте анализа арабской фразы *Allah yerhamo*, которую произносили за поминальным столом.

- « Conformément à une vieille tradition conservée par diverses communautés levantines, une commémoration a lieu quarante jours après le décès » [Maalouf 2012: II/2].

В целом, такая традиция поминовения усопшего на сороковой день сходна с европейской христианской традицией, когда на сороковины накрывается поминальный стол. Зато следующий фрагмент демонстрирует истинно восточную особенность поминальных обрядов:

- « Sache que je suis au village, dans la vieille maison, et qu'il doit y avoir autour de moi une centaine de personnes, peut-être même deux cents. Des voisins, des cousins, de vagues connaissances, et aussi des gens que je n'avais jamais vus. Ils sont partout, <...> et ils seront là toute la nuit et dans les prochains jours » [Maalouf 2012: II/2].

После похорон вдову окружают в доме сотни людей на протяжении нескольких дней, при этом могут приходить люди, которых она никогда не видела, но которые знали покойного и пришли почтить его память. По признанию самой вдовы, такая традиция направлена на истощение людей, которые только что потеряли близкого человека: они становятся настолько измучены бесконечными соболезнованиями, что больше не могут думать о своем несчастье, их чувства притупляются.

Показательна реакция вдовы, ответившей негодованием на вопрос главного героя, пожелавшего поговорить с ней наедине: она упрекает героя в том, что он забыл традиции своей родной страны:

- « Mon pauvre Adam, tu es vraiment devenu un émigré. Tu me demandes à quel moment je serai seule? Seule, dans ce pays, un jour comme celui-ci? <...> Seule? Tu croyais que j'allais me retrouver seule? » [Maalouf 2012: II/2].

Эмоциональность, проявленная вдовой, отражается в её речи посредством риторических вопросов и синтаксического повтора, создающих аффективную окраску. Ярко выраженная злость у героини возникает в том числе и по другим объективным причинам, однако упрек в том, что главный герой стал эмигрантом, основан именно на его легкомысленном, по ее мнению, взгляде к традициям. И в этом контексте стоит обратиться к вопросу об отношении к эмигрантам со стороны соотечественников, оставшихся в стране. В романе ярко прослеживается презрительная нотка с их стороны в моменты, когда они замечают, что человек стал забывать некоторые тонкости своей родины:

- « Tout émigrant redoute de commettre un impair, et il est facile pour ceux qui sont restés de susciter chez lui la peur du ridicule et la honte d'être devenu un vulgaire touriste » [Maalouf 2012: II/3].

В подтверждение этому можно привести еще несколько фраз, которые звучат в отношении главного героя:

- « Tu es à l'étranger depuis trop longtemps, tu ne connais plus les habitudes d'ici » [Maalouf 2012: II/3].
- « Des plaisanteries d'émigré ! » [Maalouf 2012: X/2].

Такое отношение, конечно, задевает главного героя и заставляет чувствовать себя чужим даже на родине.

Религиозный контекст

Интересно рассмотреть также и религиозный контекст, который прослеживается в произведениях А. Маалуфа. В первую очередь это, конечно, связано с мусульманским вероисповеданием, поскольку в странах арабского мира превалирует ислам. И даже несмотря на то, что в Ливане, на его родине, большой процент составляют христиане, мусульманские традиции не отходят на второй план. Связь с этими традициями прослеживается в первую очередь в диалогах, которые ведет главный герой со своими друзьями-мусульманами в романе «Les Désorientés». Из уст одного из персонажей звучит, например, такой заказ в ресторане:

- « Nous prendrons d'abord deux grandes assiettes d'antipasti, la mienne sans jambon » [Maalouf 2012: VII/5].

Здесь ненавязчиво автор вырисовывает соблюдение героем религиозных догм. Согласно религии, мусульмане воздерживаются от употребления свинины, следовательно, просьба принести ему блюдо «*sans jambon*» вполне закономерна для мусульманина.

Следующая фраза произносится одним из персонажей, когда он слышит имя Адам:

- « Je ne connais aucune autre personne qui porte ce prénom, à l'exception de notre ancêtre à tous, paix soit sur lui ! » [Maalouf 2012: X/2].

Фраза *paix soit sur lui* является калькой с арабского. В оригинале она звучит следующим образом: عليه السلام (alay-hi as-salam), что в переводе

означает «мир ему». Эта фраза произносится мусульманами после упоминания имени пророков. В данной ситуации такая реакция дается на имя Адам, который в исламе считается пророком.

Когда у главного героя происходит разговор с героем по имени Нидал, ставшим исламистом, из уст последнего звучат в том числе и такие слова:

- « Tout le monde s'accorde à dire que l'alcoolisme est une calamité sociale, mais il suffit que l'islam dénonce l'alcool pour que celui-ci soit érigé en symbole de la liberté individuelle » [Maalouf 2012: X/2].

Здесь можно отметить проявление обиды, которая возвращается в среде радикально настроенных мусульман, за часто проявляемое враждебное отношение к ним и двойные стандарты общества. В данном случае обсуждается вопрос отказа мусульман от алкоголя, поскольку это предписано им религией. Между героями происходит спор по поводу этого запрета, и писателю очень тонко удается передать черты, свойственные некоторым восточным людям, в особенности мусульманам, когда любое неосторожное слово в диалоге может быть использовано против собеседника, и когда, казалось бы, нейтральные фразы могут быть восприняты ими таким образом, будто они были произнесены, чтобы выразить пренебрежение по отношению к мусульманам:

- « Et moi, j'ai tourné avec ce vent, comme une girouette, c'est ça ? »
- « Alors qu'à tes yeux je suis plutôt devenu un fieffé rétrograde, c'est ça ? »
- « Dans trente secondes tu vas me dire que c'est la faute de l'islam » [Maalouf 2012: X/3].

В этих фразах явно чувствуется пейоративная окраска речи героя, что проявляется в его сравнении *comme une girouette*, которое он употребляет, имея в виду непостоянство своих идеологических убеждений, что, как ему показалось, пытался донести собеседник, описывая влияние «духа времени»

на тенденции, которым следует общество. В следующей фразе Нидал описывает себя словами *un fieffé retrograde*, пытаясь уличить собеседника в пренебрежительном отношении к себе. Кроме того, герой пытается усмотреть в словах своего оппонента негативное отношение к религии. На самом деле, в таком поведении очень ярко проявляется глубоко засевшая обида на весь мир вследствие ряда исторических событий, таких как колонизаций, различные войны, после которых арабы чувствовали себя униженными. Мусульмане, в частности, ощущают систематическую враждебность к себе со стороны европейских держав, чем объясняется их обостренное восприятие любых неосторожных фраз, где они видят попытку обвинить их во всех грехах человечества.

Несмотря на то, что в арабских странах процветают радикальные настроения, все же нельзя сказать, что они играют основополагающую роль в обществе. Автор от лица героев развенчивает миф о том, что на Востоке преобладает фанатичная религиозность:

- « C'est l'Occident qui est croyant, jusque dans sa laïcité, et c'est l'Occident qui est religieux, jusque dans l'athéisme. Ici, au Levant, on ne se préoccupe pas des croyances, mais des appartenances. Nos confessions sont des tribus, notre zèle religieux est une forme de nationalisme... » [Maalouf 2012: XV/2].

По словам героев, вероисповедание на Востоке лишь определяет принадлежность человека к тому или иному сообществу, в отличие от Запада, где как религиозные, так и атеистические убеждения играют слишком большую роль и порой доводятся до абсурда.

В первую очередь, говоря об истории арабских стран, которую подробно анализирует А. Маалуф в своем эссе, нельзя не отметить многочисленные рассуждения на тему сосуществования разных религий:

- « Dans les pays où prévaut l’islam, les adeptes des autres religions sont traités, au mieux comme des citoyens de seconde zone, et trop souvent bien pire encore, comme des parias ou des souffre-douleur; une situation qui, de surcroît, se détériore au fil des ans plutôt que de s’améliorer » [Maalouf 2019: I/7].

И, действительно, отношения представителей разных религий становятся все более враждебными. Неприязнь друг к другу представителей разных конфессий строится не только на недоверии, но и на соперничестве в достижении глобальных амбиций за счет оказания влияния на правящие круги. Противостояние христиан и мусульман, мусульман и евреев продолжается веками и с каждым годом всё обостряется. В любой из стран, где главенствующей является одна из этих религий, представители другой конфессии обычно подвергаются в той или иной мере дискриминации. А. Маалуф объясняет это именно исторически складывавшимся на протяжении многих веков противостоянием.

Писатель говорит об этом с сожалением, приводя в пример положительный в этом отношении опыт Ливана, где хотя бы на какое-то время удалось добиться мирного сосуществования разных религий, наций и языков, и с надеждой на то, что и остальной мир сможет когда-нибудь достичь взаимопонимания между представителями самых разных идентичностей.

Яркое описание культурно-исторических реалий можно проследить в следующем отрывке:

- « Une voix s’élève dans l’assistance pour suggérer que le chef des Frères porte lui-même le voile. Les rires reprennent de plus belle. Nasser poursuit. « Je lui ai dit: “ Tu veux nous ramener au temps du calife al-Hakem, qui avait ordonné aux gens de ne sortir dans la rue que la nuit, et de s’enfermer chez eux dans la journée ? ” Mais le guide des Frères a

insisté: “ Tu es le président, tu devrais ordonner à toutes les femmes de se couvrir. ” Je lui ai répondu: “ Tu as une fille qui étudie à la faculté de médecine, et elle n’est pas voilée. Si toi, tu ne parviens pas à faire porter le voile à une seule femme, qui est ta propre fille, tu voudrais que moi je descende dans les rues pour imposer le voile à dix millions d’Égyptiennes ? ” » [Maalouf 2019: II/3].

Приведенный фрагмент текста связан с распространенной проблемой восточных стран. По сей день вопрос о том, должны ли женщины надевать хиджаб, даже если они не глубоко верующие или если течение религии, к которому они себя относят, их к этому не обязывает, остается дискуссионным.

Упомянутый в тексте Халиф аль-Хакем – египетский правитель (996-1021 гг.) династии фатимидов, приверженец ислама ортодоксального шиитского толка. Во время его правления происходили гонения на христиан, иудеев и даже на некоторых мусульман [Ахунов 2014: 223]. Во времена его правления вышло несколько довольно странных законов, однако упомянутый А. Маалуфом в речи египетского правителя запрет на выход из дома в дневное время скорее можно трактовать как гиперболизированное выражение закостенелости такого рода строгого религиозного законодательства, которое хотели навязать Насеру приверженцы движения «Братьев-мусульман» (здесь они упоминаются как Frères, но полное название этой организации Frères musulmans).

В этом отрывке А. Маалуф пересказывает содержание видеозаписи середины 60-х годов XX века с участием президента Египта Абделя Нассера, где он рассказывает о своих пререканиях с лидерами радикально настроенных «Братьев-мусульман». Автор приводит это описание с целью показать глубокие перемены, произошедшие в арабском обществе с того времени. Если тогда сидящие в зале слушатели громко смеялись, слушая речь президента, то сегодня арабам скорее хочется плакать, потому что

теперь проблема отношения к обязанности женщин носить хиджаб стоит как никогда остро. И если на тот момент была надежда на смягчение законов в этом отношении, то сегодня чаще всего в арабских странах женщины вынуждены ходить в хиджабе из-за социального и политического давления, которое просто не оставляет им выбора.

Примечателен еще один отрывок, связанный с культурными реалиями арабо-мусульманского мира:

- « Pour ce qui est des mariages entre chiites et sunnites, ils étaient devenus très fréquents dans le Liban de ma jeunesse. Et ils se multipliaient même entre musulmans et chrétiens. Sans doute continuaient-ils à susciter des réticences dans divers milieux, mais de plus en plus de familles les acceptaient sans rechigner, comme une évolution normale dans un monde qui bouge » [Maalouf 2019: II/3].

Возвращаясь к вопросу о разногласиях между представителями разных конфессий, нельзя не упомянуть и соперничество между течениями одних и тех же религий, в частности борьбы суннитов и шиитов. И если в романе «Самарканд» налицо была враждебность между этими двумя течениями ислама, то здесь, читая о событиях второй половины XX века, заметна эволюция в плане отношений двух, казалось бы, непримиримых течений одной религии. Несмотря на недовольства в различных кругах, общество в некотором смысле встало на путь принятия изменений и проявления терпимости по отношению друг к другу в этом вопросе. И такие тенденции, конечно, приводятся автором как напоминание о том, что надежда на преодоление враждебности все еще сохраняется.

3.2. Исторические реалии

Автор не обходит стороной и исторические реалии, искусно вплетая их в канву текста. Так, он подробно описывает причины возникновения жестокости среди населения Самарканда по отношению к ученым, которых

принимали за вероотступников и алхимиков. Словами одного из героев А. Маалуф знакомит читателя со множеством исламских ответвлений, упоминая в том числе такие течения, как исмаилизм – тайная секта, ответвление шиизма, набравшая силу и влияние и развернувшая в особенности на территориях средневековой Персии и Средней Азии хорошо законспирированную сеть проповедников, которые оказывали огромное влияние на средневековые общества исламско-христианского мира [Шагавиев 2015: 113].

Продолжая рассматривать описание А. Маалуфом восточных реалий, интересно остановиться на описании автором традиции празднования убийства халифа Омара, которая встречается, когда один из героев советует Омару Хайяму не называть свое имя в целях самосохранения:

- « Chaque année, on célèbre par un carnaval burlesque l'anniversaire du meurtre du calife Omar. À cet effet, les femmes se fardent, préparent des sucreries et des pistaches grillées, les enfants se postent sur les terrasses et déversent des trombes d'eau sur les passants en criant joyeusement: « Dieu maudisse Omar ! » On fabrique un mannequin à l'effigie du calife portant à la main un chapelet de crottes enfilées, qu'on promène dans certains quartiers en chantant: « Depuis que ton nom est Omar, tu as ta place en enfer, toi le chef des scélérats, toi l'infâme usurpateur ! » Les cordonniers de Kom et de Kashan ont pris l'habitude d'écrire « Omar » sur les semelles qu'ils fabriquent, les muletiers donnent son nom à leurs bêtes, se plaisant à le prononcer à chaque bastonnade, et les chasseurs, quand il ne leur reste plus qu'une seule flèche, murmurent en la décochant : « Celle-ci est pour le cœur d'Omar ! » » [Maalouf 1988: I/11].

Описание этой необычной традиции интересно не только своей уникальностью. Само по себе существование такого обряда является ярким примером многовекового противостояния двух основных направлений

ислама – шиизма и суннизма. Если сунниты почитают халифа Омара, то шииты, напротив, взрастили в поколениях ненависть к нему настолько, что день его убийства стал для них праздником, во время которого они совершали уничижительные действия, пытаясь опорочить память о нем. А. Маалуф отмечает, что это происходило лишь в небольших городах-оазисах, где преобладало шиитское население, тогда как большая часть Персии была суннитской.

В романе «Les Désorientés», где действия разворачиваются уже в начале XXI века, тоже отводится отдельное место созданию исторического контекста. Вспоминая дискуссии, которые велись его друзьями в юные годы (то есть во второй половине XX века), главный герой затрагивает тему морального права взять в руки оружие или покинуть страну, не запятнав руки кровью. Молодые люди пытались определить для себя, какая борьба в их глазах заслуживает того, чтоб они рисковали своей жизнью. морально оправданной и справедливой находили лишь борьбу с нацизмом, которую в разных странах во время Второй мировой войны вели движения сопротивления. Читая об этом, друзья в некоторой степени даже романтизировали эту борьбу:

- « <...> à tue-tête nous chantions “Bella ciao” et “l’Affiche rouge” d’Aragon, nous voulions tous être Stauffenberg ou, mieux encore, Missak Manouchian, menuisier arménien de Jounieh devenu le chef d’un réseau de résistants en France » [Maalouf 2012: VII/2].

Однако в конфликтах, сотрясавших их родную страну, они не видели ничего, кроме бессмысленных столкновений между племенами, кланами и бандами головорезов, и они не видели для себя возможности вести благородную борьбу, рискуя жизнью. Тем не менее, здесь можно проследить отнюдь не обесценивание восточной культуры, а горечь по поводу ненужных кровопролитий, которых можно было избежать и которые лишь заведомо отбрасывали страну в культурном развитии на несколько десятков лет назад.

Встречаются также отсылки к эпохе Средневековья. Проводя аналогию с персонажем, в глазах которого читалась зависть к благосостоянию других, одна из героинь вспоминает арабского правителя Аббасидского халифата:

- « Haroun el-Rachid était calife, son empire s'étendait du Maghreb jusqu'aux Indes, mais il enviait son vizir Jaafar pour sa prospérité, et il s'est acharné à le ruiner et à le déposséder » [Maalouf 2012: VIII/1].

В другом случае главный герой пересказывает тезис своего знакомого ученого, который считает, что в мире все резко изменилось между летом 1978 и весной 1979 года:

- « L'Iran connaît cette année-là une 'révolution islamique', socialement conservatrice. En Occident commence une autre 'révolution conservatrice', conduite en Angleterre par Margaret Thatcher et que prolongera Ronald Reagan aux Etats-Unis. En Chine, Deng Xiaoping entame cette année-là une nouvelle révolution chinoise, qui s'écarte du socialisme et aboutit à un spectaculaire décollage économique. A Rome, un nouveau pape est élu, Jean-Paul II, qui se révélera, lui aussi, à sa manière, aussi révolutionnaire que conservateur... » [Maalouf 2012: X/3].

Помимо того, что в этих фрагментах упомянуто несколько мировых политических деятелей, здесь можно также отметить глубокие исторические знания, которые демонстрирует автор. Это еще одна яркая отличительная черта произведений Амина Маалуфа – писатель искусно вплетает в сюжет различные исторические комментарии, позволяя не только познакомиться с культурой Востока, но еще и провести параллель с развитием истории в Западных странах.

Национальные конфликты

Автор затрагивает в своих произведениях еще одну очень серьезную проблему, которая особенно ярко заметна в многонациональных и мультикультурных странах – конфликт наций. В первую очередь, это противостояние между арабами и евреями вследствие многочисленных локальных и масштабных арабо-израильских конфликтов:

- « Qu'on soit juif ou arabe, on n'a plus le choix qu'entre la haine de l'autre et la haine de soi » [Maalouf 2012: VIII/2].

И, более того, по словам автора, если человеку посчастливилось родиться одновременно арабом и евреем, то он просто не имеет права на существование, если не примет определенной стороны этого национального конфликта.

Очень важным и трагичным последствием межнациональных распрей является положение евреев в арабских странах, в частности, в Ливане:

- « Partout ailleurs, la situation des Juifs s'améliore, et pour nous seuls elle se détériore. Ailleurs, les pogroms sont relégués à la poubelle de l'Histoire, et chez nous ils recommencent. Ailleurs, les Protocoles des Sages de Sion disparaissent des bibliothèques respectables, et ici, on les imprime à tour de bras » [Maalouf 2012: VIII/2].

Здесь упомянут известный документ, относящийся к иудейской мысли, однако он отнюдь не символ торжества разума. «Протоколы сионских мудрецов» - это документ, который считается подложным, в нем излагается план по установлению евреями мирового господства, что еще в конце XIX – начале XX века привело к подъему волны антисемитских настроений. Несмотря на то, что из большинства библиотек эта пропагандистская брошюра в начале XXI века уже исчезает, в Ливане её продолжали

распространять, по словам автора, что, разумеется, говорит о поддержании антисемитизма.

Военный контекст

А. Маалуф также поднимает в своем творчестве тему выживания людей в условиях военного времени. Трагично отражаются в романе «Les Désorientés» военные реалии, описываемой страны:

- « Mais la procédure la plus habituelle en cas de rapt n'était pas celle-là. D'ordinaire, lorsqu'un homme ne rentrait pas chez lui et que l'on soupçonnait un enlèvement, ses proches se tournaient vers une notabilité locale qui, à son tour, prenait langue avec un médiateur. Ce dernier cherchait alors à savoir qui étaient les ravisseurs, quels étaient leurs mobiles et leurs exigences, et qui était en mesure de leur faire entendre raison; il s'assurait que l'otage était en vie, correctement traité; puis il s'employait à négocier sa libération. Ces médiateurs, toujours bénévoles, étaient généralement désintéressés, et fort efficaces lorsqu'ils n'étaient pas sollicités trop tard » [Maalouf 2012: IV/2].

В данном фрагменте описывается стандартная для времен гражданской войны в Ливане процедура в случае похищения человека, когда приходилось обращаться к услугам посредника, который должен был вовремя узнать детали похищения и вести переговоры об освобождении заложника. Описывая похищение, автор намеренно делает это по возможности обыденно, используя слова, имеющие итеративное значение (*d'ordinaire, habituelle, toujours*), а фраза «*lorsqu'ils n'étaient pas sollicités trop tard*» звучит даже несколько цинично. Такие обороты позволяют читателю в свою очередь прочувствовать весь ужас того, с чем приходилось ежедневно сталкиваться людям, которые решили остаться в Ливане после начала гражданской войны и для которых такие случаи уже действительно стали неотъемлемой частью их жизни.

Эта страшная ситуация с внезапным исчезновением людей описывается в романе не единожды. В первую очередь, это связано с тем, что один из героев по имени Альберт по сюжету тоже был похищен. Но это похищение пошло во благо герою, который намеревался покончить жизнь самоубийством. Более того, осиротев в раннем возрасте, Альберт впоследствии стал практически членом семьи своих бывших похитителей, и именно с ними он встречается в первую очередь, когда через много лет опять ступает на родную землю. Разумеется, автор не пытается таким образом оправдать эти чудовищные реалии, он лишь стремится показать, что большинство людей стали заложниками обстоятельств и вынуждены были подстраиваться под условия, в которых они оказались.

Упоминание этих реалий встречается и чуть позднее, когда главный герой высказывает свои опасения по поводу возвращения одного из своих друзей еврейской национальности, поскольку они чаще других подвергались этой опасности из-за неприязни к ним со стороны большинства арабов. Однако же на эти опасения героиня, постоянно проживающая в стране, отвечает даже с некоторой обидой:

- « Quel risque ? Ce n'est pas la jungle, ici ! Des gens de toutes origines viennent dans ce pays, et ça fait quinze ans que personne ne s'est fait enlever ! » [Maalouf 2012: VI/5].

Надо сказать, что для тех, кто остался в стране и пережил войну, комментарии, связанные с опасениями, относящимися ко временам военных действий, кажутся несколько оскорбительными, поскольку они свидетельствуют о том, что страна, где уже давно не идут боевые действия, все еще воспринимается как опасное место с варварскими обычаями. А это задевает чувства ливанцев.

Более того, необходимо отметить, что восприятие ими войны кардинально отличается от восприятия тех, кто покинул страну:

- « Ceux qui ont vécu ici pendant toutes ces années ne disent jamais ‘la guerre’. Ils disent ‘les événements’ » [Maalouf 2012: XII/2].

По словам автора, жители избегают слова «война» не только из-за пугающей коннотации этого слова, а еще и потому, что войн было несколько:

- « Parfois des armées étrangères étaient impliquées, et parfois uniquement les forces locales; parfois les conflits se passaient entre deux communautés, et parfois au sein de la même; parfois les guerres se succédaient, et parfois elles se déroulaient simultanément. <...> Les seuls à confondre tous ces événements distincts, les seuls à les regrouper sous une même appellation, les seuls à nous tenir des discours sur ‘la guerre’, ce sont ceux qui ont vécu loin d’ici » [Maalouf 2012: XII/2].

Так или иначе, даже в условиях войны жизнь продолжается, и, возможно, защитной реакцией людей, которые пытаются выжить, является их отрешенность от всего, что не касается их напрямую:

- « Moi, il y a eu des périodes où je devais me terrorer; les obus tombaient autour de moi, et je ne savais pas si j’allais survivre jusqu’au lendemain ; tandis qu’à dix kilomètres de là, tout était calme, et mes amis se doraient sur la plage. Deux mois après, les choses s’inversaient ; mes amis se terraient, et moi j’étais sur la plage. Les gens ne se souciaient que de ce qui se passait tout près d’eux, dans leur village, dans leur quartier, dans leur rue » [Maalouf 2012: XII/2].

В действительности эта страшная ситуация непрекращающихся долгое время боевых действий воспринимается более остро даже не самими жителями беспокойной страны, а теми, кто наблюдает за всем этим со стороны.

3.3. Языковой контекст

Большое внимание автор уделяет также проблеме отношения к арабскому языку в разных странах. Во второй главе данной работы этому уделялось внимание, когда речь шла о том, что во Франции к звучанию арабской речи в общественных местах относятся с подозрением, тогда как в арабских странах закономерной является любовь к своему языку. Другая ситуация наблюдается в Израиле:

- « Les historiens et les sociologues qui se sont penchés sur la société israélienne dans les dernières décennies ont observé à quel point l'image de l'Arabe et de sa culture s'y est dégradée. Rien ne résume mieux cette attitude dédaigneuse que le fait qu'un travail bâclé est couramment appelé « un travail d'Arabe » » [Maalouf 2019: II/6].

Отношение к арабскому языку в израильском обществе за последние десятилетия значительно ухудшилось, что, вероятно, связано с поражением арабов в 1967 году. В свою очередь, отношение к языку находится в прямой зависимости от отношения к арабскому народу со стороны еврейского населения. Показательно то, что появилась даже идиома «работа араба» для обозначения небрежно выполненной работы. Кроме того, писатель говорит о снижении интереса со стороны израильтян к изучению арабского языка, даже если их родители еще свободно на нем говорили. И наоборот, молодые палестинцы все чаще начинают учить иврит.

Продолжая рассуждения о взращиваемой ненависти представителями одной нации к другой, автор от лица одного из героев упоминает Маймонида и его философский труд «Путеводитель растерянных»:

- « Et ne t'avise surtout pas de rappeler aux uns et aux autres que c'est en arabe que Maïmonide a rédigé le 'Guide des égarés' ! » [Maalouf 2012: VIII/2].

Эту же идею А. Маалуф высказывает и в своем историческом эссе «Le naufrage des civilisations»:

- « J'ai parfois l'impression d'être la dernière personne à se rappeler encore que c'est en langue arabe que Maïmonide a écrit le Guide des égarés » [Maalouf 2019: II/6].

Дело в том, что упомянутый философский труд посвящен иудейской религиозной традиции. Тот факт, что произведение написано на арабском языке, а не на иврите, вызывает смешанные чувства как у евреев, так и у арабов. И тем, и другим претит мысль о том, что они связаны друг с другом. Принимая во внимание, что две эти нации относятся друг к другу с неприязнью, отношение к языку играет не последнюю роль. Следовательно, напоминание о том, что один из основополагающих трудов иудаизма составлен на так называемом «языке Корана», является в некотором роде оскорбительным как для иудеев, так и для мусульман.

3.4. Аллюзии

Интересны также аллюзии А. Маалуфа на произведения западных писателей, в частности на Дж. Оруэлла и его роман «1984»:

- « Allions-nous vers un monde où Big Brother verrait tout et entendrait tout, jusqu'à nos pensées les plus intimes ? » [Maalouf 2019: IV/7].

В данном случае автор использует английское выражение Big Brother (Большой Брат) с целью описать тенденцию современного мира ко все большему ограничению свободы слова и мысли.

Стоит рассмотреть и другой пример, где автор использует аллюзию на повесть Р. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»:

- « Le douteux privilège de ma génération est justement d'avoir été témoin de la lente métamorphose du Dr. Jekyll en Mr. Hyde » [Maalouf 2019: II/2].

А. Маалуф проводит параллель между трагическим сюжетом повести и современным состоянием народов. Как в литературном произведении образованный и уважаемый доктор Джекил трансформируется в неуправляемого и разъяренного Хайда, так и множество народов, по словам А. Маалуфа, которые долгое время терпеливо относились к своим современникам и смиренно ждали лучших времен, к настоящему моменту превращаются в отчаявшиеся и неуправляемые толпы.

Рассмотрим еще один пример:

- « Plus personne ne s'attend à un soulèvement des « damnés de la terre », et ce serait d'ailleurs effrayant s'ils se soulevaient un jour et qu'ils faisaient du passé table rase, comme dans les couplets de *L'Internationale* » [Maalouf 2019: IV/2].

Здесь автор цитирует строки знаменитого «Интернационала», ставшего в свое время международным пролетарским гимном. Однако писатель отнюдь не возлагает надежд на борьбу угнетенных классов общества с неравенством, он говорит о том, что это может привести только к кровопролитию. Более того, в настоящее время, по словам автора, богатство и привилегированность вызывает не столько неприязнь, сколько желание людей, которые этим не обладают, достичь такого же уровня благосостояния.

Приведенные выше примеры, несомненно, демонстрируют вовлеченность А. Маалуфа в западную культуру настолько же глубоко, как в культуру Востока. Писатель прибегает к использованию аллюзий не только в художественных целях, но и для установления связи между западным и восточным миром. Красной нитью через все его работы проходит мысль о том, что арабо-мусульманский мир тесно связан с миром Запада. И если

события, происходящие на Востоке, отражаются на всем мире, то и западная культура, неотъемлемой частью которой является литературное наследие, точно так же применима к разговору о развитии и восточных, и западных народов.

3.5. Отсылки к литературе и культуре разных стран

Разносторонний взгляд на мир автора передают и его многочисленные отсылки к художественной литературе разных стран. Интересны встречающиеся в работах писателя упоминания восточных авторов, часто малоизвестных:

- « Je garde constamment avec moi, inscrites sur un bristol plié, ces paroles d'un poète arabe méconnu, Omayyah Ibn Abissalt al-Andalusi, né à Dénia, en Espagne, au XIe siècle :

Si je suis fait d'argile,

La terre entière est mon pays

Et toutes les créatures sont mes proches » [Maalouf 2019: II/2].

Примечательно, что автор стремится познакомить франкоязычного читателя с такими малоизвестными арабскими деятелями.

Отметим, что А. Маалуф воздерживается от каких-либо комментариев по поводу перевода имени поэта. А между тем последняя часть имени как раз говорит нам о месте, где родился Умайя Ибн Абиссалт аль-Андалузи. Дело в том, что Андалуссией (*араб.* الأندلس – *аль-Андалус*) в Средние века называли территорию Пиренейского полуострова, на который распространилось мусульманское владычество, другими словами, это была так называемая территория «мусульманской Испании». По всей видимости, автор намеренно упоминает место рождения этого поэта, однако отдельно это не поясняет.

А. Маалуф неслучайно приводит здесь именно эти строки, которые, по его словам, он часто перечитывает: тем самым он стремится показать, что не перестает мечтать об обществе, в котором каждый человек, откуда бы он ни

приехал, мог бы жить полной жизнью, не подвергаясь дискриминации, и в то же время рассматривать своих соседей, какими бы разными они ни были, как своих соотечественников.

Стоит также отметить, что А. Маалуф часто упоминает или цитирует именно восточных авторов и историков. Так, рассуждая о подъеме арабской культуры после поражения арабов в 1967 году в арабо-израильском конфликте, он говорит следующее:

- « Et je me trouvais dans la salle quand le poète Omar Abou-Richeh, également syrien, déclama des vers corrosifs contre les chefs d'État arabes, qui venaient de se réunir au Maroc pour élaborer une stratégie, et qui n'avaient pas réussi à s'entendre:

Craignant que la honte s'efface, ils ont tenu

Un sommet à Rabat, pour conforter la honte » [Maalouf 2019: II/5].

Надо сказать, что здесь автор воздерживается от цитирования названия стихотворных строк на арабском языке, и приводит лишь собственный перевод. Это объясняется, по всей видимости, тем, что в данном случае звучание оригинального поэтического текста не создало бы дополнительного художественного эффекта, а лишь затруднило бы восприятие текста.

В другом фрагменте эссе автор приводит слова арабского историка:

- « Comme le notait déjà l'historien Ibn Khaldoun au XIVe siècle, « l'esprit de clan » vient plus facilement aux groupes restreints; il renforce leur cohésion et leur assure parfois un avantage décisif dans leurs rapports avec les autres » [Maalouf 2019: IV/3].

Благодаря таким отсылкам к словам историка XIV века, писателю удается передать цикличность развития общества, где группы каких бы то ни было меньшинств всегда имеют тенденцию к сплочению, тем самым достигая преимуществ в отношении с теми, кто находится в большинстве.

Вспоминая о юношеских годах и о группе друзей под названием «клуб византийцев», главный герой романа «Les Désorientés» перечисляет их темы для дискуссий, среди которых появляются фамилии разнообразных авторов: « ...nous parlions <...> de García Lorca, d'al-Moutanabbi, de Pouchkine, ainsi que de Nerval et de Maïakovski » [Maalouf 2012: II/1]. А вспоминая идеи, которые воспевали друзья, герой говорит, что многие из них надеялись изменить мир: « <...> d'autres encore nourrissaient cette idée séduisante que Balzac avait illustrée à sa manière dans son "Histoire des Treize" » [Там же]. Тем самым автор стремится показать, что, несмотря на распространенное мнение об ограниченности восточных сообществ, которые обвиняются в излишней приверженности закостенелым традициям, большинство молодых людей в арабских странах широко эрудированы, образованы, и многие придерживаются прогрессивных взглядов.

Более того, один из героев по имени Билал решает взяться за оружие и вступить в ряды ополченцев в подражание своим любимым писателям, которые участвовали в гражданской войне Испании: « Ses héros s'appelaient Orwell, Hemingway, Malraux, les écrivains combattants de la guerre d'Espagne » [Maalouf 2019: VII/2]. При этом подчеркивается, что это была трагическая романтизация войны, герой, по всей видимости, надеялся испытать душевное потрясение, которое потом могло бы отразиться в его сочинениях, однако по иронии судьбы он погибает в первом же сражении.

Примечательно, что А. Маалуф упоминает и русских писателей: « Avant les bolcheviks, elle [la Russie] était en pleine floraison! En quelques décennies, il y avait eu Tchekhov, Dostoïevski, Tolstoï, Tourgueniev... » [Maalouf 2012: XIII/4].

Все эти фамилии возникают в контексте разговора о революции в России, когда одна из героинь сокрушается о том, что долгое время она романтизировала ее в сравнении с революциями в арабских странах. Однако, по ее словам, мнение впоследствии изменилось, в том числе благодаря

знакомству с произведениями Солженицына и Достоевского. Возникают названия таких произведений, как «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и «Записки из мертвого дома» Ф. Достоевского. Сравнивает она эти книги, описывая изменения каторжных условий за столетний период.

Конечно, автор не обходит стороной и арабскую культуру, и, стремясь познакомить с ней читателя, даже переводит на французский язык несколько строк из арабской песни Назема эль-Газали:

- «<...> une vieille complainte irakienne :

Elle sortait de la maison de son père

Pour aller à la maison des voisins.

Elle est passée, sans me saluer,

La belle doit m'en vouloir...

Elle se mit aussitôt à chanter, à l'unisson avec Nazem el-Ghazali, dont la voix accompagnait souvent leurs soirées d'autrefois » [Maalouf 2012: VI/5].

Несмотря на то, что участники «клуба византийцев» были хорошо знакомы с европейской культурой, они, несомненно, более глубоко были интегрированы в культурные реалии арабского мира, притом не только своей родной страны. Так, молодые люди нередко слушали песни иракского певца Назема эль-Газали. И в данном случае приведенный отрывок из песни является в некотором роде ностальгией героев по временам своей молодости.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Изучение разных экстралингвистических средств создания мультилингвизма, которые использует А. Маалуф в своих произведениях, позволяет сделать вывод о том, что одной из главных задач автора является полное погружение читателя в мир Востока со всем разнообразием его традиций, проблем, богатого культурного и исторического наследия. Кроме того, следует подчеркнуть, что произведения А. Маалуфа обладают не только художественной, но и исторической ценностью, поскольку автор искусно вплетает в сюжет исторические реалии. И это тоже можно считать проявлением мультилингвизма А. Маалуфа, поскольку язык отражает восприятие мира, а человеку восточной культуры свойственно с уважением относиться к истории и традициям.

Благодаря тому, что его работы посвящены миру Востока, куда писатель в силу своего происхождения глубоко интегрирован, особенности восточных стран он описывает со свойственным ему реализмом, отчего они производят сильное впечатление на читателя. Обращаясь к историческому контексту, автор старается не только познакомить читателя с трагическими событиями, которые в разное время сотрясали арабоязычные страны, но и провести параллели с событиями, происходившими в то же время в других частях света, что помогает установить связь между ними. Так, говоря о существенных исторических событиях XX и XXI века, писатель рассматривает их через призму арабо-мусульманской культуры и этнического самосознания. Этим обусловлено большое количество описаний восточных реалий. Однако, в то же время, А. Маалуф не обходит стороной и реалии западных стран, а также реалии Советской эпохи. Погружение в отличные от восточного мира условия создается благодаря обилию имен и фамилий западных и советских деятелей, аллюзий на всемирно известные произведения литературы. С помощью всех этих приемов автору удастся создать культурно-языковую полифонию, помогающую читателю

сопоставить Западный и Восточный миры, понять суть исторических и политических перипетий второй половины XX и начала XXI века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе был проведен анализ средств выражения авторского мультилингвизма Амина Маалуфа на основе трех его работ разных периодов. Выявленные приемы, с помощью которых писатель реализует свое многоязычие, были разделены на языковые и экстралингвистические.

Основным языковым средством создания мультилингвизма в произведениях А. Маалуфа является использование иноязычных элементов, которые выполняют различные функции: 1) эмоционально-оценочную функцию; 2) отражение национального колорита; 3) создание исторического колорита; 4) функцию характеристики персонажа; 5) заимствования для реалий и терминов, вошедших во французский язык; 6) введение идиом как способ отражения картины мира писателя.

Наиболее частотны оказались иноязычия в функции отражения национального и исторического колорита, что обусловлено тематикой произведений, сюжет которых разворачивается на Востоке, а также постоянному обращению к истории. Среди них преобладают экзотизмы и иноязычные вкрапления из арабского языка, которые часто образуют просторечный языковой регистр, благодаря чему быт жителей Востока удается передать в мельчайших деталях. Очевидно, что постоянное использование иностранных слов и их последующее объяснение приближает французского читателя к восточной культуре.

Отдельный пласт заимствований из арабского языка составляет религиозная терминология, связанная с мусульманским вероисповеданием как неотъемлемой частью арабоязычного мира. Однако, обращаясь к религиозной тематике, писатель вводит в текст также ивритизмы и арамеизмы, когда речь идет об иудаизме и христианстве. Иноязычные элементы европейских языков относятся преимущественно к высокому

регистру речи: германизмы и англицизмы вводятся при упоминании мыслительных традиций или философских теорий. Однако португальские и испанские лексем, как и многие арабизмы, относятся к разговорному стилю и отражают по большей части индивидуальные особенности персонажей. В целом, обилие иноязычной лексики как из восточных, так и из европейских языков, помогает писателю подчеркнуть самобытность своих героев и придать их речи яркую индивидуальность.

Среди особенностей французского текста, обрамляющего иноязычия, можно отметить, что чаще всего писатель прибегает к дословному переводу иноязычных лексем, приводя его через запятую. Кроме того, он часто пользуется методом экспликации, когда дословный перевод не может отразить его художественный замысел. Графически иноязычные вкрапления передаются средствами французского алфавита при помощи практической транскрипции, если речь идет о восточных языках. Англицизмы, латинизмы, германизмы, грецизмы, испанизмы и португализмы сохраняются в исконной графике. Иногда применяются дополнительные графические средства для привлечения внимания к иноязычным единицам: курсивная передача слов или кавычки.

Среди экстралингвистических средств выражения мультилингвизма в творчестве А. Маалуфа следует выделить: 1) культурные реалии; 2) исторические реалии; 3) языковой контекст; 4) аллюзии на произведения как восточных, так и западных авторов; 5) отсылки к культуре и литературе разных стран. Наиболее частотны среди них описания традиций, отражающих культурные (национальные) и исторические реалии восточных стран. С их помощью восточный мир, представляющийся для большинства жителей Запада очень далеким, буквально «оживает» и становится гораздо более понятным, в том числе, благодаря многочисленным параллелям с историей и культурой европейских стран, которые создают диалог между Востоком и Западом.

Благодаря языковым и экстралингвистическим средствам, писателю удается не только показать свою эрудированность, но и создать полифонию голосов в тексте. В свою очередь индивидуально-авторский стиль выражения мультилингвизма Амина Маалуфа проявляется прежде всего в использовании большого количества иноязычной лексики, которая помогает передать историческую достоверность, поскольку автор стремится рассмотреть все описываемые события и явления в историческом континууме. Выбор средств для передачи реалий зависит в том числе и от жанровой принадлежности произведений. Так, если в историческом романе писатель стремится передать исторический колорит средневековой Персии при помощи арабских и персидских заимствований и экзотизмов, то в романе «Les Désorientés» автор уделяет особое внимание индивидуализации речи своих персонажей, что проявляется в большом количестве иноязычных вкраплений из разных языков. В историческом эссе писатель чаще всего обращается к историко-культурным и религиозным терминам, среди которых выделяются заимствования и экзотизмы, а иноязычные вкрапления довольно редки.

Кроме того, в общих чертах эволюция художественного мультилингвизма А. Маалуфа прослеживается в его попытке в более позднем творчестве заменить введение иноязычных терминов их экспликацией и чаще обращаться к экстралингвистическим средствам при передаче реалий инородной для читателя культуры. Это можно объяснить его тяготением к европоцентризму, что явно прослеживается в его последнем эссе. Однако, несмотря на снижение количества иноязычных элементов, произведения не теряют своей способности красочно знакомить читателя с культурой Востока. Переплетения разных языков и культур в одном художественном пространстве текста действительно позволяют полностью погрузиться в мир Востока, в то же время не отрывая взгляд от Запада.

Лучше всего значимость творчества писателя характеризует его собственное отношение к литературе: « <...> j'ai compris que le plus important, dans une œuvre littéraire, ce n'était pas le message que l'auteur avait souhaité nous transmettre, mais les nourritures intellectuelles et affectives que chaque lecteur pouvait y puiser lui-même » [Maalouf 2019: IV/8]. Обилие интеллектуальной и эмоциональной пищи, о чем образно говорит А. Маалуф, свойственно его произведениям, каждое из которых достойно изучения. Это позволяет определить перспективы для дальнейшего исследования. В первую очередь, увеличение объема анализируемого языкового материала позволит получить более полное представление об идиостиле автора. Кроме того, интересным может оказаться подробное изучение эволюции языка А. Маалуфа от раннего к позднему творчеству и преломления мультилингвизма в его произведениях в зависимости от периода работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библиографический список:

1. Алексейцева Т.А. Экспликация как способ преодоления межъязыковой и межкультурной асимметрии в переводе: автореф...дис.кан.филол.наук – СПб: 2009. – 23 с.
2. Амиров Р.К., Зарипова З.А. Краткий словарь историко-литературных понятий и терминов по исламу. Уфа, 2009. – 40 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 383 с.
4. Ахунов А.М. Основы этнографии стран арабского Востока/ Учебное пособие для студентов вузов. Казань, 2014. – 336 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
6. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – М., 1972. – Вып. 6. – С. 25-61.
7. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 162 с.
8. Гак В.Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
9. Долинин К.А. Интерпретация текста: (Фр.яз.). Учеб. Пособие для студентов по спец. №2103 «Иностр.яз.» - М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
10. Доценко Т.И., Лещенко Ю.Е., Остапенко Т.С. Динамическая модель мультилингвизма и ее применение для анализа трилингвальной ситуации // Социо- и психолингвистические исследования. – Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. Вып. 6. С. 44 – 51.

11. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English <=> Russian. Серия: Изучаем иностранные языки. – СПб.: «Издательство Союз», 2001. – 320 с.
12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
13. Кожевникова М.А. Художественный мультилингвизм в языке писателя-эмигранта Б.Хазанова: диссертация... кандидата Филологических наук: 10.02.01 / Кожевникова Мария Анатольевна; [Место защиты: ФГАОУВО Сибирский федеральный университет], 2016. – 201 с.
14. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
15. Кретов А.А. Лингвистическая теория реалии / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013.— №1.— С. 7-13.
16. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
17. Матвеев К.П., Сазонов А.А. Земля Древнего Двуречья. Мифы, легенды, находки и открытия. М.: Молодая гвардия, 1986. - 160 с.
18. Мигдаль И.Ю. Культурная маркированность иноязычных вкраплений художественного текста // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2012. – №4. – С.31-36.
19. Николаев, С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Николаев Сергей Георгиевич. – Ростов-на-Дону, 2006. – 559 с.
20. Проценко Е.А. К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – №2. – С. 92-99.

21. Спиркин А.Л. Устойчивые речевые формулы обращения как отражение социально-иерархических отношений коммуникантов в арабском обществе // Вестник РУДН: Лингвистика, № 2. – М., 2008. – С. 51-59.
22. Сухачев Н.Л. Значение и смысл слова: лекции о лингвистическом знаке = The significance and the sense of the word: lectures on linguistic sign / Н. Л. Сухачев. - Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. – 184 с.
23. Чекалина Е.М., Ушакова Т.М. Лексикология французского языка: Учеб. Пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. – 236 с.
24. Шагавиев Д.А. Исламские течения и группы / Учебное пособие. Казань, 2015. – 336 с.
25. Assaad N. «Une Mutation linguistique: Le cas d’Amin Maalouf» dans Cahier de l’Association internationale des études françaises, no 56, Paris, Les belles Lettres, 2004. – p. 457-483.
26. Autobiographie à deux voix. / [Электронный ресурс] // aminmaalouf.net: официальный сайт Амина Маалуфа. 2001. URL: <http://www.aminmaalouf.net/fr/sur-amin/autobiographie-a-deux-voix> (дата обращения: 18.04.2023).
27. Herdina P., Jessner U. A Dynamic Model of Multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics. Clevedon: Multilingual Matters LTD, 2002. – 192 p.
28. Maalouf A. Les désorientés, Paris, éditions Grasset et Fasquelle, 2012. – 528 p.
29. Maalouf A. Le naufrage des civilisations, Paris, éditions Grasset et Fasquelle, 2019. – 336 p.
30. Maalouf A. Samarcande, Paris, Éditions Jean-Claude Lattès, 1988. – 312 p.

Словари и справочники:

1. Амиров Р.К., Зарипова З.А. Краткий словарь историко-литературных понятий и терминов по исламу. Уфа, 2009. – 40 с.
2. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь. Т I-II, 11-е издание, стереотипное. М.: Живой язык, 2006. – 936 с.
3. Халидов А.Б. Ислам. Энциклопедический словарь. Отв.ред. С.М.Прозоров. – М.: Наука. ГРВЛ, 1991. – 315 с.
4. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. / [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnrtl.fr>
5. Larousse. / [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Цитата	Перевод
<p>« Lorsque certains livres parlent du Levant, son histoire reste imprécise, et sa géographie, mouvante <...> Tel que je l’emploie, ce vocable suranné désigne l’ensemble des lieux où les vieilles cultures de l’Orient méditerranéen ont fréquenté celles, plus jeunes, de l’Occident » [Maalouf 2019: Prologue]</p>	<p>Когда в некоторых книгах говорится о Леванте, его история остается расплывчатой, а географическое положение – неопределенным <...> Я употребляю этот устаревший термин, подразумевая под ним все места, где древние культуры Восточного Средиземноморья встречались с более молодыми западными культурами.</p>
<p>« — Cet homme est un ivrogne, un mécréant, un <i>filassouf</i> !</p> <p>Il a sifflé ce dernier mot comme une imprécation.</p> <p>— Nous ne voulons plus aucun <i>filassouf</i> à Samarcande !</p> <p>Un murmure d’approbation dans la foule. Pour ces gens, le terme de « philosophe » désigne toute personne qui s’intéresse de trop près aux sciences profanes des Grecs, et plus généralement à tout ce qui n’est pas religion ou littérature. Malgré son jeune âge, Omar Khayyam est déjà un éminent <i>filassouf</i> <...> » [Maalouf 1988: I/1].</p>	<p>- Этот человек пьяница, нечестивец, <i>филассуф</i>!</p> <p>Это последнее слово он прошипел, как проклятие.</p> <p>- Нам в Самарканде больше не нужны никакие <i>филассуфы</i>!</p> <p>В толпе одобрительно зашептались. Для этих людей слово «философ» означало любого, кто проявлял излишний интерес к греческим светским наукам и в более широком смысле ко всему, что не относилось к религии или литературе. Несмотря на свой юный возраст, Омар Хайям уже был выдающимся <i>филассуфом</i>.</p>
<p>« Il mime une profonde courbette, fait voltiger ses doigts des deux côtés de son turban, s’attirant inmanquablement les gros rires des</p>	<p>Изображая низкий поклон, он дотронулся пальцами до своего тюрбана, чем вызвал смех у собравшихся зевак.</p> <p>- Как я мог не узнать того, кто сочинил эти</p>

<p>badauds.</p> <p>— Comment ai-je pu ne pas reconnaître celui qui a composé ce <i>robaï</i> si plein de piété et de dévotion » [Maalouf 1988: I/1]</p>	<p>полные благочестия и набожности <i>рубайи</i>?</p>
<p>« Mais dans les chuchotements des élèves revenait sans cesse ce mot levantin, mi-arabe mi-turc, de “meharrebji”, qui signifie contrebandier » [Maalouf 2012 : III/4].</p>	<p>Но ученики перешептывались между собой, постоянно повторяя это левантийское, наполовину арабское, наполовину турецкое слово «мехарребджи», что значит «контрабандист».</p>
<p>« Sur le papier, ils avaient le même patronyme que Mourad, mais leur clan avait un surnom, les ‘Znoud’, ‘les bras’ – une allusion, je suppose, à leur force physique ; notre ami se plaisait à les appeler, en français, ‘les fiers-à-bras’ » [Maalouf 2012: VI/3].</p>	<p>В документах у них было то же родовое имя, что и у Мурада, но у их клана было прозвище «Знуд», «руки» - намек на их физическую силу, я полагаю; нашему другу нравилось называть их «хвастунами».</p>
<p>« Et si Reagan n’avait pas déclaré la guerre au <i>welfare state</i> et à la mythique <i>welfare queen</i> ? » [Maalouf 2019: IV/2]</p>	<p>Что, если бы Рейган не объявил войну <i>государству всеобщего благосостояния</i> и мифической <i>королеве благосостояния</i>?</p>
<p>« D’un scénario classique, souvent observé par le passé – des communautés d’origines différentes qui se retrouvent côte à côte, qui commencent par se méfier les unes des autres et par échanger des coups, avant que leurs relations ne s’apaisent et qu’elles finissent par oublier qu’elles ont été ennemies –, nous avons basculé dans un scénario où ce « happy ending » n’est plus à l’ordre du jour » [Maalouf 2019: IV/6].</p>	<p>От классического сценария, который мы часто могли наблюдать в прошлом, когда разные народы оказываются на одной территории и сначала не доверяют друг другу, враждуя, а потом успокаиваются и забывают, что когда-то были врагами, - мы перешли к сценарию, по которому этот «счастливый конец» уже не стоит на повестке дня.</p>

<p>« Bienvenue à l'imam Omar Khayyam, l'homme que nul n'égale dans la connaissance de la tradition du Prophète, la référence que nul ne conteste, la voix que nul ne contredit » [Maalouf 1988: I/3].</p>	<p>- Приветствуем имама Омара Хайяма, человека, которому нет равных в знании традиции, завещанной нам Пророком; никто не станет возражать, что для нас он ориентир и непререкаемый авторитет.</p>
<p>« Puis-je espérer qu'en dépit de tout ce qu'il a enduré, <i>khwajé</i> Omar ne gardera pas un trop mauvais souvenir de Samarcande ? » [Maalouf 1988: I/3].</p>	<p>— Могу ли я надеяться, что, несмотря на все, что он перенес, Омар-ходжа не будет вспоминать о Самарканде с неприязнью?</p>
<p>« Chaque année, à notre arrivée, début juillet, il y avait un rituel immuable. Le propriétaire nous attendait. On l'appelait poliment <i>ustaz</i> Halim. C'était un fonctionnaire des douanes, et il venait toujours en costume-cravate » [Maalouf 2012: III/1].</p>	<p>Каждый год в начале июля наш приезд сопровождался неизменным ритуалом. Нас ожидал хозяин дома. К нему вежливо обращались <i>устаз</i> Халим. Он был сотрудником таможни и всегда был одет в деловой костюм европейского образца.</p>
<p>« Et une caisse d'anones, et une autre d'oranges <i>moghrabi</i>... » [Maalouf 2012: VII/6].</p>	<p>Один ящик анонов и еще один апельсинов <i>мограби</i>...</p>
<p>« Ni pseudo, ni alias, ni nom de guerre. On dit seulement, 'en religion'. Ramzi, virgule, en religion Frère Basile. » [Maalouf 2012: VII/4].</p>	<p>Ни pseudo, ни alias, ни ном де гер. После монашеского пострига про старое имя мы говорим лишь «в миру». Отец Василий, запятая, в миру Рамзи.</p>
<p>« J'avais vingt-deux ans, je travaillais dans l'un des principaux quotidiens du pays, An-Nahar, et je me trouvais, de ce fait, dans un poste d'observation incomparable » [Maalouf 2019: II/8].</p>	<p>Мне было двадцать два года, я работал в газете «Ан-Нахар», одном из ведущих периодических изданий страны, благодаря чему я получил превосходное место для наблюдения за всем происходящим.</p>
<p>« C'est le dernier repas de Nizam, la cène est un <i>iftar</i>, le banquet qui salue la rupture du jeûne du dixième jour de <i>ramadane</i>. Dignitaires,</p>	<p>Наступило время последней трапезы Низама, «тайной вечерей» для него стал <i>ифтар</i> – застолье во время вечернего разговения,</p>

<p>courtisans, émirs de l'armée, tous sont inhabituellement sobres par égard au mois saint » [Maalouf 1988 : II/19].</p>	<p>поскольку шел десятый день <i>рамадана</i>. Вельможи, придворные, военные эмиры – все были необычайно серьезны по случаю священного месяца.</p>
<p>« <...> fournir à Malikshah son <i>taqvim</i>, son horoscope mensuel » [Maalouf 1988: II/15].</p>	<p><...> составление для Маликшаха личного <i>таквима</i>, месячного гороскопа.</p>
<p>« On racontait même que les ulémas auraient noué des contacts avec nombre d'officiers exaspérés par le comportement du prince » [Maalouf 1988: I/4].</p>	<p>Ходили слухи, будто бы улемы вошли в сговор с группой военачальников, которые были возмущены поведением своего правителя.</p>
<p>« Il ne quitte pas une ville ou un village sans y avoir désigné un représentant qu'il laisse entouré d'un cercle d'adeptes, chiïtes lassés d'attendre et de subir, sunnites persans ou arabes excédés par la domination des Turcs <...>. On les appelle « batinis », les gens du secret, on les traite d'hérétiques, d'athées » [Maalouf 1988: II/16].</p>	<p>Он не покидал город или селение, не назначив там наместника, окруженного своими последователями: шиитами, уставшими от ожидания и страданий, персидскими и арабскими суннитами, сытыми по горло турецким господством. <...> Их окрестили «батинитами», тайными людьми, считая их еретиками и атеистами.</p>
<p>« La référence à Avicenne dans la bouche d'un cadi de rite chaféite n'a rien de rassurant <...> » [Maalouf 1988: I/2].</p>	<p>Упоминание Авиценны, чье имя прозвучало из уст кади, принадлежащего к шафиитам, не предвещало ничего хорошего <...>.</p>
<p>« Beaucoup plus sérieux était le mouvement des Frères musulmans, les Ikhwan » [Maalouf 2012: IX/4].</p>	<p>Гораздо более опасным было движение «Братьев мусульман», Ихванов.</p>
<p>« Les jeunes y adhéraient par milliers, et lorsqu'il y a eu le coup d'Etat des Officiers libres, en cinquante-deux, tout le monde pensait que Nasser, Sadate et compagnie étaient des Ikhwan en uniforme » [Maalouf 2012: IX/4].</p>	<p>К ним присоединялись тысячи молодых людей, и когда в пятьдесят втором «Свободные офицеры» совершили государственный переворот, все были уверены, что Насер, Садат и их сторонники –</p>

	это Ихваны в форме.
« Moi je viens d'une famille croyante, et pieuse. Mon arrière-grand-père était <i>cheikh-el-islam</i> du temps des sultans ottomans » [Maalouf 2012: VIII/1].	Я из верующей благочестивой семьи. Во времена османских султанов мой прадед был <i>шейхом аль-исламом</i> .
« Chez les miens, on a toujours jeûné le ramadan. C'était naturel, ça allait de soi, on n'en faisait pas toute une histoire » [Maalouf 2012: VIII/1].	В моей семье всегда соблюдали пост в рамадан. Это было естественно, само собой разумеющимся, и никогда не выставлялось напоказ.
« Ce fut notamment le cas d'Oussama Ben Laden ; il s'employa désormais à construire le puissant réseau jihadiste global qui prendrait un jour le nom d'Al-Qaïda, « la Base » <...> » [Maalouf 2019: III/9].	Так случилось, в частности, с Усамой бен Ладеном – теперь он работал над созданием могущественного движения джихадистов по всему миру, которое однажды назовут «Аль-Каида», «основа».
« <...> en juillet 79 la décision américaine d'armer clandestinement les moudjahidines islamistes afghans; <...> en décembre 79, l'entrée en Afghanistan des troupes soviétiques, contre lesquelles le jihadisme moderne allait mener sa guerre fondatrice... » [Maalouf 2019: III/7].	<...> в июле 1979 – решение Америки тайно вооружить афганских исламистов-моджахедов <...> в декабре 1979 года – ввод советских войск в Афганистан, с которыми новоявленный джихадизм намеревался вести основательную борьбу.
« On la [une tonalité identitaire] retrouve <...> chez les talibans d'Afghanistan, chez les mollahs d'Iran, et plus généralement chez toutes les forces politiques qui ont opéré, à partir des années soixante-dix, leur propre révolution conservatrice » [Maalouf 2019: III/7].	Мы находим его [указание на национальную или религиозную принадлежность] <...> у талибов в Афганистане, у иранских мулл и вообще у всех политических сил, устраивавших консервативные революции с начала семидесятых годов.
« Certains observateurs, qui s'intéressent de près à l'histoire du royaume [saoudien], parlent	Некоторые исследователи, которые проявляют особый интерес к истории

<p>d'un « traumatisme de 1979 », à partir duquel le régime, craignant d'apparaître comme trop mou dans la défense de la foi, dut redoubler d'efforts pour propager le wahhabisme et le salafisme à travers le monde <...> » [Maalouf 2019: III/9].</p>	<p>королевства [Саудовской Аравии], говорят о «шоке 1979 года», в результате которого правящий режим, опасаясь показаться слишком мягким в вопросах защиты веры, вынужден был удвоить усилия по распространению ваххабизма и салафизма по всему миру.</p>
<p>« En dialecte local, Alamout signifie « la leçon de l'aigle ». On raconte qu'un prince qui voulait bâtir une forteresse pour contrôler ces montagnes y aurait lâché un rapace dressé. Celui-ci, après avoir tournoyé dans le ciel, vint se poser sur ce rocher. Le maître comprit qu'aucun emplacement ne serait meilleur » [Maalouf 1988: II/17].</p>	<p>На местном диалекте Аламут означает «урок орла». Легенда гласит, что один князь, пожелавший возвести здесь крепость для контроля над горными территориями, выпустил прирученного орла. Тот, покружив в небе, приземлился на эту скалу. Князь понял, что лучшего места для крепости не найти.</p>
<p>« Il leur fallut plus d'une heure et demie pour atteindre le village d'El-Maghawer, Les Grottes, où se trouvait le monastère du même nom » [Maalouf 2012: IX/3].</p>	<p>Им потребовалось больше полутора часов, чтобы добраться до селения Эль-Магхавер, то есть «Пещеры», где располагался одноименный монастырь.</p>
<p>« Près de lui, sur une table basse, calame et encrier, une lampe éteinte, et son livre ouvert à la première page, demeurée blanche » [Maalouf 1988: I/3].</p>	<p>На низком столике перед ним были калям и чернильница, потухшая лампа и книга для записей, открытая на первой странице, так и оставшейся девственно чистой.</p>
<p>« Dans le vaste <i>divan</i> du juge <...> » [Maalouf 1988: I/2]</p>	<p>В просторных палатах судейского <i>дивана</i> <...>.</p>
<p>« Ils arborent, sur leurs bonnets de feutre, l'insigne vert pâle des <i>ahdath</i>, la milice urbaine de Samarcande » [Maalouf 1988: I/1].</p>	<p>На фетровых головных уборах у них красовалась светло-зеленая надпись <i>ахдатх</i> – городская милиция Самарканда.</p>
<p>« Les deux hommes sont jeunes, il leur arrive de</p>	<p>Эти двое были молоды, им случалось</p>

<p>plaisanter ensemble aux dépens du vieux vizir, surtout le vendredi, jour du <i>shölen</i>, le banquet traditionnel que le sultan offre à ses familiers » [Maalouf 1988: I/13].</p>	<p>подшучивать над старым визирем за его спиной, особенно по пятницам, в день, когда устраивался <i>щёлен</i> – традиционный пир, задаваемый султаном своим приближенным.</p>
<p>« Bâtie d’argile et de boue, Kashan. <...> C’est pourtant là que se créent les plus prestigieuses briques vernissées qui vont embellir de vert et d’or les mille mosquées, palais ou médersas, de Samarcande à Baghdad. Dans tout l’Orient musulman, la faïence se dit tout simplement <i>kashi</i>, ou <i>kashani</i>, un peu de la manière dont la porcelaine porte, en persan comme en anglais, le nom de la Chine » [Maalouf 1988: I/11].</p>	<p>Построенный из глины и грязи город Кашан. <...> Но именно здесь изготавливался самый лучший глазурованный кирпич, который окрасит в зеленый и золотой тысячи мечетей, дворцов и медресе от Самарканда до Багдада. На всем мусульманском Востоке фаянс назывался просто <i>каши</i> или <i>кашани</i>, наподобие того, как фарфор на персидском и английском языках называли китаем.</p>
<p>« <...> ils [les arabes] préférèrent parler de « la guerre de Juin », ou de « Soixante-sept », ou encore de la « Naksa » <...> le mot signifie « revers », ou « échec provisoire » ; on l’emploie, d’ordinaire, à propos d’un accident de santé dont on estime que le malade finira par se rétablir » [Maalouf 2019: II/4].</p>	<p><...> они [арабы] предпочтут называть его «июньской войной», «шестьдесят седьмым», или даже «Накса» <...> словом, обозначающим «неудачу» или «временный сбой», термином, который чаще всего употребляется в контексте проблем со здоровьем, когда, в конечном итоге, остается надежда на выздоровление больного.</p>
<p>« Il y eut, entre les deux hommes, une rencontre dont témoigne une photo étonnante, représentant Faysal dans son vêtement traditionnel, et Weizmann près de lui, une keffieh sur la tête en signe de fraternité » [Maalouf 2019: II/6].</p>	<p>Подтверждением этой встречи является потрясающая фотография, на которой запечатлен Фейсал в традиционном костюме, а рядом с ним Вейцман с куфией на голове в знак братства.</p>
<p>« C’est en cet instant de gloire que le raïs prononça l’arrêt de mort de l’Égypte</p>	<p>Именно в этот момент величия раис вынес смертный приговор космополитическому и</p>

cosmopolite et libérale » [Maalouf 2019: I/2].	либеральному Египту.
« Rappeler que c'est à l'Opéra du Caire que l'on créa, en 1871, Aïda, de Verdi, une commande du khédivé d'Égypte » [Maalouf 2019: I/1].	Напомним, что именно в Каирском Оперном театре в 1871 году была поставлена «Аида» Верди по заказу хедива Египта.
« Ce fut le cas en Égypte pour les Syro-Libanais ou les Grecs, en Libye pour les Italiens, comme en Algérie pour les pieds-noirs » [Maalouf 2019: I/5].	Так было в Египте с сиро-ливанцами и греками, в Ливии с итальянцами, или в Алжире с пье-нуарами (черноногими).
« Oserai-je espérer qu'un jour, les peuples qui ont donné naissance à Averroès, à Avicenne, à Ibn Arabi, à Khayyâm et à l'émir Abdelkader, sauront eux aussi redonner à leur civilisation des moments de vraie grandeur? » [Maalouf 2019: II/3]	Смею ли я надеяться, что однажды народы, породившие Аверроэсса, Авиценну, Ибн Араби, Хайяма и эмира Абделькадера, смогут вновь подарить своей культуре моменты истинного величия?
« J'aurais été enchanté si l'univers culturel qui avait produit Cavafy, Camus, Ungaretti ou Asmahane avait pu se transformer et s'adapter au lieu de disparaître complètement <...> » [Maalouf 2019: I/5].	Я был бы счастлив, если бы культурная вселенная, породившая Кавафи, Камю, Унгаретти и Асмахан, смогла бы преобразиться и адаптироваться, а не исчезнуть окончательно.
« Omar, fils d'Ibrahim, fabricant de tentes de Nichapour, sais-tu reconnaître un ami ? » [Maalouf 1988: I/2]	Омар, сын Ибрагима, мастера палаток из Нишапура, умеешь ли ты узнать друга?
« <...> Nizam-el-Molk, Ordre-du-Royaume. Jamais surnom n'a été plus mérité » [Maalouf 1988: I/9].	<...> Низам-эль-Мульк, «царский приказ». Никогда еще прозвище не являлось столь заслуженным.
« Mais, du jour au lendemain, il s'était détourné des affaires de l'État, décidé qu'il était à consacrer tout le temps qui lui restait à l'achèvement d'un livre, <i>Siyasset-Nameh</i> , le	Но с каждым днем он все больше отходил от государственных дел, решив посвятить отведенное ему время на завершение работы над книгой « <i>Сиассет-Наме</i> », то есть

<p>Traité du Gouvernement, un ouvrage remarquable, équivalent pour l'Orient musulman de ce que sera pour l'Occident quatre siècles plus tard le <i>Prince</i> de Machiavel » [Maalouf 1988: II/18].</p>	<p>«Трактат о правлении». Этот выдающийся труд стал для мусульманского Востока тем же, чем станет для Запада четыре века спустя «Государь» Макиавелли.</p>
<p>« Il fallut passer par Paris <...>, que Théophile Gautier lance, sur les pages du <i>Moniteur universel</i>, un retentissant «Avez-vous lu les quatrains de Kéyam?» » [Maalouf 1988: III/25].</p>	<p>Невозможно было обойтись без Парижа <...> чтобы Теофиль Готье бросил на страницах «<i>Монитор универсель</i>» свое знаменитое «Читали ли вы четверостишия Хайяма?».</p>
<p>« Naïm est l'autre nom du Paradis » [Maalouf 2012: XVI/2].</p>	<p>Наим – это еще одно название Рая.</p>
<p>« Au lieu que les uns se prénomment Michel ou Georges, les autres Mahmoud ou Abderrahman, et nous Salomon ou Moïse, on aurait tous des prénoms 'neutres' – Sélim, Fouad, Amin, Sami, Ramzi, ou Naïm » [Maalouf 2012: VIII/2].</p>	<p>Вместо того, чтобы одних называли Мишель или Жорж, других – Махмуд или Абдеррахман, нас – Соломон или Моисей, мы все носили «нейтральные» имена: Селим, Фуад, Амин, Сами, Рамзи или Наим.</p>
<p>« Il expliquait que Bilal était un affranchi d'Abyssinie, dont le Prophète appréciait la voix, et dont il avait fait son premier muezzin; ajoutant qu'à Java, "même de nos jours, tout muezzin est encore appelé Bilal" » [Maalouf 2012: XVI/2].</p>	<p>Он объяснил, что Билал был вольноотпущенником из Абиссинии, чей голос отметил Пророк и сделал своим первым муэдзином, добавив, что на Яве «и в наши дни всех муэдзинов называют Билалом».</p>
<p>« Il faisait un détour par Sémiramis, "reine mythique de Mésopotamie, et qui était – déjà – vénérée comme une déesse" » [Maalouf 2012: XVI/2].</p>	<p>Он обратился к Семирамиде, «мифической царице Месопотамии, которую уже при жизни почитали богиней».</p>
<p>« <...> puis [il faisait un détour] par Mourad, "le Désiré, le convoité, un nom inventé dans les</p>	<p><...> потом остановился на имени Мурад, «Желанный, Вожденный, имя,</p>

<p>cercles mystiques pour évoquer le Très-Haut, et que les Européens du Moyen Age prononçaient <i>Amourath</i>» » [Maalouf 2012: XVI/2].</p>	<p>использовавшееся определенных мистических кругах для обозначения Всевышнего, и которое европейцы в Средние века произносили <i>Амурат</i>».</p>
<p>« <...> l’origine mariale de Dolorès, et sur l’étymologie germanique d’Albert – noble et illustre. Sans oublier Basile, qui veut dire “roi” ou “empereur” <...> » [Maalouf 2012: XVI/2].</p>	<p><...> о том, что происхождение имени Долорес связано с Девой Марией, о германской этимологии имени Альберт – благородный и прославленный. Не говоря уже о том, что Василий означает «царь» или «император» <...>.</p>
<p>« Je porte dans mon prénom [Adam] l’humanité naissante, mais j’appartiens à une humanité qui s’éteint... » [Maalouf 2012: XVI/2].</p>	<p>Я несу в своем имени [Адам] печать зарождающегося человечества, но принадлежу к человечеству угасающему...</p>
<p>« La Palestine, nous avons le droit de l’appeler ‘eretz yisrael’, et nous avons le droit d’y vivre, autant que les autres, et même un peu plus » [Maalouf 2012: VIII/2].</p>	<p>У нас есть право называть Палестину «Эрец Исраэль», и мы имеем такое же право там жить, как и все остальные, и мы даже немного больше остальных этого заслуживаем.</p>
<p>« Il y a ce que les Allemands appellent ‘Zeitgeist’, ‘l’esprit du temps’, nous le suivons tous, d’une manière ou d’une autre » [Maalouf 2012: X/3].</p>	<p>Существует то, что немцы называют «Zeitgeist», «духом времени», и все мы так или иначе следуем ему.</p>
<p>« La notion de ‘point aveugle’, ou ‘blind spot’, est simplement un instrument de réflexion, je l’appelle dans notre jargon ‘a digging tool’, un outil pour creuser » [Maalouf 2012: VI/1].</p>	<p>Понятие «слепое пятно», или «blind spot» - это всего лишь способ мышления, который на нашем жаргоне я называю «a digging tool», то есть орудием для того, чтобы копнуть глубже.</p>
<p>« Je m’entends demander à l’homme, en arabe et avec l’accent du pays, combien me coûtera la</p>	<p>Я понимаю, что обращаюсь к мужчине на арабском языке с местным акцентом, чтобы</p>

course. Juste pour éviter l'indignité d'être confondu avec un touriste » [Maalouf 2012: I/3].	узнать, во сколько мне обойдется поездка. Я перехожу на арабский просто чтобы избежать унижения быть принятым за туриста.
« L'homme s'adresse à moi en anglais, ce qui me fait sourire et m'irrite à la fois. Je lui réponds dans sa langue, qui est ma langue natale, mais avec, sans doute, un brin d'accent » [Maalouf 2012: II/1].	Мужчина обращается ко мне на английском языке, что вызывает у меня одновременно улыбку и раздражение. Я отвечаю ему на нашем с ним родном языке, но, вероятно, с едва заметным акцентом.
« “A Paris, quand tu parles l'arabe dans un lieu public, tu n'as pas spontanément tendance à baisser la voix ?” “Sans doute.” » [Maalouf 2012: VII/6].	- Когда в Париже в общественном месте ты говоришь на арабском, разве ты не понижаешь голос? - Вероятно.
« <...> c'est vrai que tous les mots affectueux me viennent en arabe » [Maalouf 2012: IX/4].	<...> все ласковые слова действительно приходят мне в голову именно на арабском языке.
« <...> une vieille lettre, l'une des toutes premières que j'aie reçues après mon arrivée à Paris; rédigée en anglais, mais émaillée de mots arabes, et agrémentée de petits dessins dans les marges » [Maalouf 2012: VII/4].	<...> старое письмо, одно из первых, полученных мной по приезде в Париж. Написанное по-английски, оно было испещрено арабскими словами и украшено небольшими рисунками на полях.
« Il est interdit d'interdire ! » [Maalouf 2012: X/2].	Запрещено запрещать!
«Oui au monachisme, non au masochisme» [Maalouf 2012: XI/1].	Да монашеству, нет мазохизму.
« Dans leur milieu, c'était l'habitude » [Maalouf 2012: IX/4].	В их среде это было естественно.

<p>« <...> leurs ennemis dans le monde musulman les ont parfois appelés <i>haschichiyoun</i>, « fumeurs de haschisch », pour les déconsidérer ; certains orientalistes ont cru voir dans ce terme l'origine du mot « assassin » qui est devenu, dans plusieurs langues européennes, synonyme de meurtrier. Le mythe des « Assassins » n'en a été que plus terrifiant.</p> <p>La vérité est autre. D'après les textes qui nous sont parvenus d'Alamout, Hassan aimait à appeler ses adeptes <i>Assassiyoun</i>, ceux qui sont fidèles au Assass, au « Fondement » de la foi, et c'est ce mot, mal compris des voyageurs étrangers, qui a semblé avoir des relents de haschisch » [Maalouf 1988: II/19].</p>	<p><...> недоброжелатели часто называли их <i>хашишиюн</i>, «курильщики гашиша», чтобы принизить в глазах мусульманского мира. Некоторые востоковеды решили, что происхождение этого слова связано с термином «ассасин», который во многих европейских языках стал синонимом убийцы. Из-за этого миф об «Ассасинах» стал еще более ужасающим.</p> <p>Истина же кроется в другом. Согласно текстам, дошедшим до нас из Аламута, Хассану нравилось называть своих последователей <i>Ассасиюн</i> – те, кто верен <i>Ассас</i>, то есть «основам» веры; именно это слово, неверно истолкованное иностранными путешественниками, сохранило душок гашиша.</p>
<p>« Pour représenter l'inconnue dans ce traité d'algèbre, Khayyam utilise le terme arabe <i>chay</i>, qui signifie « chose »; ce mot, orthographié <i>Xay</i> dans les ouvrages scientifiques espagnols, a été progressivement remplacé par sa première lettre, x, devenue symbole universel de l'inconnue » [Maalouf 1988: I/5].</p>	<p>Для обозначения неизвестного в своем алгебраическом труде Хайям применял арабское слово <i>chay</i> (<i>шай</i>), обозначающее «вещь», которое в трудах испанских ученых превратилось в <i>Xay</i>, а впоследствии от него и вовсе осталась лишь первая буква X, которая стала общепринятым обозначением неизвестной величины.</p>
<p>« <...> son algèbre avait été publiée à Paris en 1851 » [Maalouf 1988: III/25].</p>	<p><...> его алгебраический труд был опубликован в 1851 году в Париже.</p>
<p>« <i>Esfahane, nesf-é djahan!</i> disent aujourd'hui les Persans. « Ispahan, la moitié du monde! » »</p>	<p>«<i>Эсфahan, несф-э джахан!</i>» - повторяют по сей день в Персии, что значит «Исфахан –</p>

[Maalouf 1988: I/12].	половина мира!»
« <...> cette phrase qui revenait constamment sur les lèvres, “ <i>Allah yerhamo !</i> ”, chaque fois qu’on se servait, puis lorsqu’on se levait de table, “ <i>Allah yerhamo !</i> ”, pour appeler sur le défunt la miséricorde de Dieu » [Maalouf 2012: VI/4].	<...> фраза, которая постоянно повторялась: « <i>Аллах ерхамо!</i> » - всякий раз, когда гости накладывали себе еду и когда потом вставали из-за стола. « <i>Аллах ерхамо!</i> » - призывая милость Божью к усопшему.
« Mais, à force de vouloir éviter ce travers risible, on risque de tomber dans le travers inverse, celui de la banalisation, que résume ce proverbe bien de chez nous: ‘ <i>Ma sar chi, ma sar metlo.</i> ’ Je le cite parfois à mes étudiants, en le traduisant à ma manière: ‘Tout ce qui se passe ressemble forcément à quelque chose qui s’est déjà passé.’ » [Maalouf 2012: VIII/3].	Но, пытаясь свернуть с этого пути преувеличения, доведенного до абсурда, мы рискуем пойти другим ложным путем банализации, которую отражает местная пословица: « <i>Ma sar ши, ma sar метло</i> ». Иногда я цитирую ее своим студентам, переводя по-своему: «Все, что происходит, неизбежно напоминает то, что уже произошло».
« L’excuse, depuis toujours, c’est que ‘l’œil ne peut pas résister à une perceuse’ comme dit le proverbe imagé » [Maalouf 2012: VI/3].	Оправданием всегда было то, что «глаз не может сопротивляться сверлу», как гласит образная пословица.
« Mais il ne faudrait pas non plus « jeter l’enfant avec l’eau du bain », comme dit un vieil adage allemand » [Maalouf 2019: I/7].	Но и не следует «вместе с водой выплескивать и ребенка из корыта», как гласит старая немецкая поговорка.
« La vieille sagesse levantine dit que si un homme qui te rend service n’accepte pas ton argent, c’est qu’il espère rentrer dans ses frais d’une autre manière » [Maalouf 2012: VI/3].	Старинная левантийская мудрость гласит, что, если человек отказывается брать деньги за оказанные им услуги, значит, он надеется получить оплату другим способом.

<p>« <...> je me suis entendu prononcer à voix haute les paroles du Christ désespéré:</p> <p>“Eli, Eli, lama shabaqtani?” » [Maalouf 2012: XI/2].</p>	<p><...> я опомнился, когда стал произносить вслух слова находящегося в смятении Христа: «Эли, Эли, лама шабактани?».</p>
<p>« Dans notre langue maternelle, pour dire ‘les nouveaux riches’ ne dit-on pas ‘les enrichis de la guerre’? » [Maalouf 2012: VI/3].</p>	<p>На нашем родном языке не говорим ли мы «обогатившиеся на войне», имея в виду нуворишей?</p>